UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322874 9

PG
3453
B7P8
t.3

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ

ТОМЪ III.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ.

ТОМЪ III.

ВСѢ НАПѢВЫ.

(1906/1909 г.)

МОСКВА.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПІОНЪ».
1909.

PG
3453
B7 P8
t. 3

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

СБОРНИКИ СТИХОВЪ.

Chefs d'Œuvre. (1894—1896 г.) . . . . . Распродано.
Me eum esse. (1896—1897 г.) . . . . . Распродано.
Tertia Vigilia. (1898—1900 г.) . . . . . Распродано.
Urbi et Orbi. (1900—1903 г.) . . . . . Распродано.
Stephanos. (1903—1905 г.) . . . . . Распродано.
Пути и Перепутья. Томъ I (1892—1901 г.) . . . . Ц. 2 р.
Пути и Перепутья. Томъ II (1901—1905 г.) . . . . Ц. 2 р.
Пути и Перепутья. Томъ III. (1906—1909 г.) . . . . Ц. 2 р.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА.

Земная Ось. Разсказы. (1901—1906 г.) . . . . . Ц. 1 р. 50 к.
Огненный Ангелъ. Повѣсть XVI в. Части I и II. . . Ц. 3 р.

ПЕРЕВОДЫ.

Поль Верлэнъ. Романсы безъ словъ . . . . . Распродано.
Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности . . . . . Ц. 1 р. 50 к.
М. Мэтерлинкъ. Пеллеасъ и Мелизанда и стихи . . Ц. 1 р.
Г. д'Аннунціо. Франческа да Римини. (Въ сотрудничествѣ
съ Вяч. Ивановымъ) . . . . . Ц. 1 р. 50 к.
Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. . . . . Ц. — 80 к.
Французскіе лирики XIX вѣка. . . . . Печатается.
Поль Верлэнъ. Собраніе стиховъ . . . . . Печатается.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ.

О Искусствѣ. Статьи . . . . . Распродано.
Письма Пушкина и къ Пушкину. . . . . Ц. 1 р. 50 к.
Лицейскіе стихи Пушкина . . . . . Ц. 1 р.
Вѣхи. Статьи. (1900—1909 г.) 2 тома. . . . . Печатается.

Типографія О-ва Распр. Полезн. Книгъ. Преемн. В. И Вороновъ. Моховая, д. кн. Гагарина.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ III ТОМУ

ПУТЕЙ И ПЕРЕПУТІЙ.

И всѣ мои напѣвы еще подвластны мнѣ.
Urbi et Orbi.

Въ этомъ томѣ собраны мои стихи, написанные — за немногими исключеніями—въ 1906, 1907, 1908 году и въ первые дни 1909 года. Я нашелъ возможнымъ соединить ихъ, вмѣстѣ со стихами, написанными до 1906 года, въ одно собраніе подъ общимъ заглавіемъ „Пути и Перепутья". Въ стихотвореніяхъ этого тома—тѣ же пріемы работы, можетъ быть, нѣсколько усовершенствованные, тотъ же кругъ вниманія, можетъ быть, нѣсколько расширенный, какъ и въ стихахъ двухъ предыдущихъ томовъ. Я рѣшился даже сохранить для нѣкоторыхъ цикловъ стихотвореній заглавія, уже знакомыя моимъ читателямъ: „Вечеровыя пѣсни", „Правда вѣчная кумировъ", „Современность", „Видѣнія". Этимъ я хотѣлъ указать, что во многомъ этотъ сборникъ завершаетъ мои прежнія начинанія, или, вѣрнѣе, что онъ лучше разрѣшаетъ тѣ же задачи, за которыя, безъ достаточной подготовки, я брался и раньше. Но, конечно, другіе отдѣлы этой книги уже намѣчаютъ то направленіе, по которому теперь, по выраженію А. Фета, порывается моя Муза. Во всякомъ случаѣ, III томъ я считаю послѣднимъ томомъ „Путей и Перепутій". Эти „пути" пройдены мною до конца,

и менѣе всего склоненъ я повторять самого себя. Я увѣренъ, что въ поэзіи, и не только русской поэзіи, есть еще безконечное число задачъ, никѣмъ не рѣшенныхъ, темъ, почти никѣмъ не затронутыхъ, и средствъ, совершенно не использованныхъ.

Мнѣ остается сказать, что цѣлый рядъ стихотвореній въ этомъ сборникѣ появляется въ печати впервые. Многіе стихи я не считалъ возможнымъ печатать отдѣльно, внѣ ихъ связи съ цѣлымъ цикломъ или даже со всей книгой. Только на своемъ мѣстѣ, рядомъ съ другими, эти стихотворенія получаютъ свой истинный смыслъ. Особенно это относится къ стихотвореніямъ, собраннымъ въ отдѣлѣ, которому я долженъ былъ дать названіе „Эротика", возвращая этому слову его первоначальное значеніе. Впрочемъ, распредѣленіе стиховъ по отдѣламъ нѣсколько зыбко и часто основано не на внутреннихъ особенностяхъ стихотворенія, а на обстоятельствахъ, вызвавшихъ его созданіе. Иначе врядъ ли и можетъ быть въ сборникѣ лирическихъ стихотвореній, изъ которыхъ каждое, въ какую бы форму оно ни было облечено, говоритъ, въ концѣ концовъ, лишь о томъ, что лично пережито написавшимъ его.

Февраль, 1909. Валерій Брюсовъ.

ВСѢ НАПѢВЫ.

(1906—1909).

ПОЭТУ.

Ты долженъ быть гордымъ, какъ знамя;
Ты долженъ быть острымъ, какъ мечъ;
Какъ Данту, подземное пламя
Должно тебѣ щеки обжечь.

Всего будь холодный свидѣтель,
На все устремляя свой взоръ.
Да будетъ твоя добродѣтель—
Готовность войти на костеръ.

Быть можетъ, все въ жизни лишь средство
Для ярко-пѣвучихъ стиховъ,
И ты съ безпечальнаго дѣтства
Ищи сочетанія словъ.

Въ минуты любовныхъ объятій
Къ безстрастью себя приневоль,
И въ часъ безпощадныхъ распятій
Прославь изступленную боль.

Въ снахъ утра и въ безднѣ вечерней
Лови, что шепнетъ тебѣ Рокъ,
И помни: отъ вѣка изъ терній
Поэта завѣтный вѣнокъ.

I

ЭЛЕГІИ И БУКОЛИКИ.

ОДИНОЧЕСТВО.

Отступи, какъ отливъ, все дневное, пустое волненье,
Одиночество, стань, словно мѣсяцъ, надъ часомъ моимъ!
Слышу, тихо грохочутъ съ волной уходящей каменья,
Вижу, алый закатный туманъ превращается въ дымъ.

То въ алмазныхъ вѣнцахъ, то въ вѣнкахъ полевыхъ маргаритокъ,
То въ одеждахъ рабынь, то въ багряныхъ плащахъ королевъ,
То, какъ вѣтеръ, смѣясь, то съ лицомъ утомленнымъ отъ пытокъ,
Вкругъ меня наклоняется хоръ возвратившихся дѣвъ.

Взоръ вашъ ласковъ, какъ прежде, и шагъ, какъ бывало, размѣренъ...
Значитъ, тотъ я, что былъ, если прошлый мнѣ міръ возвращенъ:
Подходите, шепчите: я былъ вамъ, и буду вамъ—вѣренъ,
Никому не открою я вашихъ священныхъ именъ!

Къ вашимъ ласковымъ пальцамъ прижму воспаленныя вѣки,
Къ вашимъ грудямъ знакомымъ устало прильну головой...
Сестры! нѣжныя сестры! я въ дѣтствѣ вамъ клялся навѣки,
Только съ вами я счастливъ, и только межъ вами я свой!

Затихаетъ вдали успокоенный ропотъ отлива,
На волнахъ потухаетъ змѣиностей лунныхъ игра,
И, въ вѣнкѣ маргаритокъ, склонясь надо мной, торопливо
Мнѣ разсказъ о прожитомъ въ разлукѣ—лепечетъ сестра.

ВЕЧЕРОВЫЯ ПѢСНИ.

1. СУМЕРКИ.

Горятъ электричествомъ луны
На выгнутыхъ, длинныхъ стебляхъ;
Звенятъ телеграфныя струны
Въ незримыхъ и нѣжныхъ рукахъ;

Круги циферблатовъ янтарныхъ
Волшебно зажглись надъ толпой,
И жаждущихъ плитъ тротуарныхъ
Коснулся прохладный покой.

Подъ сѣтью плѣнительно-зыбкой
Притихъ отуманенный скверъ,
И вечеръ цѣлуетъ съ улыбкой
Въ глаза—проходящихъ гетеръ.

Какъ тихіе звуки клавира—
Далекіе ропоты дня...
О сумерки! милостью мира
Опять упоите меня!

2. ФЕВРАЛЬ.

Свѣжей и свѣтлой прохладой
Вѣетъ въ лицо мнѣ февраль.
Новыхъ желаній—не надо,
Прошлаго счастья—не жаль.

Нѣжно-жемчужныя дали
Чуть орумянилъ закатъ.
Какъ въ саркофагѣ, печали
Въ сладкомъ безстрастіи спятъ.

Нѣтъ, не укоръ, не предвѣстье,—
Эти святые часы!
Тихо пришли въ равновѣсье
Зыбкаго сердца вѣсы.

Мигъ между свѣтомъ и тѣнью!
День межъ зимой и весной!
Весь подчиняюсь движенью
Пѣсни, плывущей со мной.

3. У ГРОБА ДНЯ.

День обезсилѣлъ, и западъ багряный
Гордо смежилъ огневые глаза.
Бѣлы, какъ дымъ изъ кадильницъ, туманы,
Строги, какъ сводъ храмовой, небеса.

Звѣзды мерцаютъ, и кротки и пышны,
Какъ предъ иконами вѣнчики свѣчъ.
Вѣтеръ прерывистый, вѣтеръ чуть слышный
Горестно шепчетъ прощальную рѣчь.

Скорбныя тѣни, окутаны чернымъ,
Вышли, влекутъ свой задумчивый хоръ,
Головы клонятъ въ молчаньи покорномъ,
Стелятъ надъ травами траурный флеръ.

Съ тѣнями вмѣстѣ склоняюсь у гроба
Шумно прошедшаго, яркаго дня.
Смолкните въ сердцѣ, восторги и злоба!
Тайна и миръ, осѣните меня!

4. ВЕЧЕРЪ СРЕДИ СНѢГОВЪ.

Вѣетъ нѣжная прохлада
Наступающей зимы.
Тѣло свѣжести такъ радо!
Взорамъ бѣлости такъ надо
Въ четкой рамѣ полутьмы!

Надъ равниной ярко-снѣжной
Мѣсяцъ въ небѣ ворожитъ.
Все, какъ въ дѣтствѣ, безмятежно;
Все, какъ въ смерти, неизбѣжно,
Нѣтъ желаній, нѣтъ обидъ.

Путь мой вьется въ безконечность
Межъ полей, какъ мракъ, пустыхъ.
Въ думахъ милая безпечность,
И мечты ласкаетъ встрѣчность
Риѳмъ знакомыхъ и простыхъ.

5. БЫТЬ БЕЗЪ ЛЮДЕЙ.

Въ лицо мнѣ вѣетъ вѣтеръ нѣжащій,
На тучахъ алый блескъ погасъ,
И вновь, какъ въ вѣрное прибѣжище,
Вступаю я въ вечерній часъ.

Вотъ кто-то, съ ласковымъ пристрастіемъ,
Со всѣхъ сторонъ протянетъ тьму,
И я упьюсь послѣднимъ счастіемъ:
Быть безъ людей, быть одному!

НА ГРАНИТАХЪ.

1. КЪ ШВЕЦІИ.

Въ этомъ морѣ кто такъ щедро
Сѣвъ утесовъ разбросалъ,
Кто провелъ проливы въ нѣдра
Вѣковѣчныхъ скалъ?

Кто, художникъ, словомъ дивнымъ,
Возрастилъ угрюмый боръ
По извивамъ непрерывнымъ
Матовыхъ озеръ?

Кто въ безлунной мглѣ столѣтій,
Какъ въ родной и вѣрный домъ,
Велъ народъ на камни эти
Роковымъ путемъ?

Кто, подъ вопли вьюги снѣжной,
Подъ упорный зовъ зыбей,
Сохранилъ сурово-нѣжный
Говоръ древнихъ дней?

Въ часъ раздумій, въ часъ мечтаній,
Въ тихій отдыхъ отъ заботъ,
Въ свѣтѣ сѣверныхъ сіяній,
У мятежныхъ водъ,

Кто-то создалъ эту сказку
Про озера и гранитъ,
И въ дали вѣковъ развязку
Вымысла таитъ!

2. НА МЭЛАРѢ.

Нѣжно вѣетъ свѣжій вѣтеръ,
Сладко млѣетъ свѣтлый Мэларъ,
Солнце медлитъ надъ закатомъ,
Озаривъ огнями даль,—
Въ небѣ, слабо-розоватомъ,
И въ водѣ, литой какъ сталь.

Здравствуй, прежній, свѣжій вѣтеръ,
Здравствуй, новый, свѣтлый Мэларъ,
Сосны темныя по склонамъ,
Пятна яркія листвы,
И надъ берегомъ зеленымъ,
Благость вѣчной синевы!

3. СТОКГОЛЬМЪ.

Словно надъ глубями зеркала,
Ты изъ гранита возникъ,
Въ зыби стремительной Мэлара
Свой разбивая двойникъ.

Сынъ вѣчно-женственной родины,
Весь ты въ любимую мать!
Трудно ль въ осанкѣ усвоенной
Нѣжность души угадать!

Ты, какъ сосна Далекарліи,—
Строенъ, задумчивъ и прямъ.
Годы тебя не состарили,
Снѣгомъ скользнувъ по кудрямъ.

Витязь плѣнительный Сѣвера,
Ты головой не поникъ!
Весело въ зеркалѣ Мэлара
Твой ускользаетъ двойникъ.

4. НА ГРАНИТАХЪ.

Снова долгій тихій вечеръ.
Снова море, снова скалы.
Снова солнце искры мечетъ
Надъ волной роскошно-алой.

И не зная, здѣсь я, нѣтъ ли,
Чѣмъ дышу—мечтой иль горемъ,—
Западъ гаснетъ, пышно свѣтелъ,
Надъ безумно свѣтлымъ моремъ.

Имъ неслышенъ,—имъ, безстрастнымъ,—
Шопотъ страсти, ропотъ гнѣва.
Небо хочетъ быть прекраснымъ.
Море хочетъ быть—какъ небо!

Волны быстро нижутъ кольца,
Кольца рдянаго заката...
Сердце! сердце! успокойся:
Все—навѣкъ, все—безъ возврата!

5. ВЪ МОРѢ.

Ночью свѣтлой, ночью бѣлой
Любо волнамъ ликовать,
Извиваться влажнымъ тѣломъ,
Косы пѣнныя взметать;

Хороводомъ въ плавной пляскѣ
Парусъ старый обходить,
За кормой играя въ прятки,
Вить серебряную нить;

И въ припадкахъ краткой грусти
(Лентой длинной сплетены)
Подставлять нагія груди
Золотымъ лучамъ луны;

А потомъ, дрожа отъ счастья,
Тихо вскрикивая вдругъ,
Въ глубину ронять запястья
Съ утомленныхъ страстью рукъ.

6. УГРЮМЫЙ ЧАСЪ.

На высяхъ дремлетъ боръ сосновый;
Глуха холодная волна;
Закатъ загадочно-багровый
Горитъ въ водѣ, какъ сонъ лиловый;
Угрюмость, блескъ и тишина.

Надъ гладью водъ орелъ усталый
Качаетъ крыльями, спѣша.
Его тревожитъ отблескъ алый,—
И вотъ на сумрачныя скалы
Онъ палъ, прерывисто дыша.

Ни паруса, ни дыма! Никнетъ
Свѣтъ, поглощаемый волной.
Порою только чайка крикнетъ,
И бѣлымъ призракомъ возникнетъ
Надъ озаренной глубиной.

7. НА ГОТЛАНДѢ.

Тощій мохъ, кустарникъ чахлый,
Искривленная сосна,
Камень, сумрачный и дряхлый,
Бѣлой пыли пелена...

Древней пылью посѣдѣли
Можжевельникъ и гранитъ.
Этотъ міръ достигъ до цѣли
И, какъ мудрый старецъ, спитъ.

А за гранями обрывовъ
Волнъ восторженный разбѣгъ.
И на камняхъ, вдоль заливовъ
Пѣна, чистая какъ снѣгъ.

8. ВИСБИ.

Старый Висби! Старый Висби!
Какъ твоихъ руинъ понятны—
Скорбь о годахъ, что погибли,
Сны о были невозвратной!

Снится имъ былая слава,
Въ морѣ синемъ городъ бѣлый,
Многошумный, многоглавый,
Полный смѣхомъ, полный дѣломъ;

Снится—въ гавани просторной
Флотъ, который въ мірѣ славенъ,
Паруса изъ Риги, Кельна,
Съ русскихъ, англійскихъ окраинъ;

Снится звонъ веселый въ праздникъ,
Звонъ двѣнадцати соборовъ,
Дѣвы—всѣхъ цвѣтковъ наряднѣй,
Площадь, шумная народомъ.

Жизнью новой, незнакомой
Не встревожить намъ руины!
Имъ видѣнья грустной дремы
Сохранили міръ старинный.

Съ ними тѣ же кругозоры,
И все то же море къ стѣнамъ
Стелетъ синіе уборы
Съ кружевами бѣлой пѣны.

9. ПРИБОЙ.

Съ шумомъ на бѣлые камни
Черныя волны находятъ,
Мѣрно вставая рядами,
Пѣнныя головы клонятъ.

Море ночное—изъ дали
Валъ за валами торопитъ,
Бѣлые камни—тѣлами
Мертвыхъ воителей кроетъ.

Моремъ упорнымъ, полночнымъ,
Властвуетъ духъ-разрушитель.
Съ шумомъ покорнымъ, немолчнымъ
Толпы идутъ на погибель.

10. ЭХО.

Между горъ грохочетъ эхо
Убѣгающаго поѣзда.
Лунный глазъ то глянетъ слѣпо,
То опять межъ сосенъ скроется.

Сумракъ тайно сблизилъ вѣтви,
Сдѣлалъ скалы смутно-сѣрыми,
И внизу развѣсилъ сѣти
Надъ проливами и шхерами.

Воздвигаетъ ангелъ ночи
Храмъ божественнаго зодчества,
И прохлада вѣетъ въ очи
Вѣчной тайной одиночества.

11. ВЪ ШХЕРАХЪ.

Морской заливъ, вошедшій въ сушу
Такъ далеко,
Твою мечтательную душу
Понять легко!

Скалѣ недвижной и холодной
Ты вѣсть принесъ,
Что есть безумье зыбы водной
И буйство грезъ!

Но тамъ, гдѣ сосны сонно-строги
И мягокъ мохъ,
Ты слилъ, безъ силъ, свои тревоги
Въ единый вздохъ.

Приникъ лицомъ къ зеленымъ склонамъ,
Въ истомѣ спишь,
И только чайки страннымъ стономъ
Тревожатъ тишь.

Stockholm.—Nynäshamn.—Wisby.
1906.

ВЪ ПОЛѢ.

1. ВѢКЪ ЗА ВѢКОМЪ.

Взрываютъ весенніе плуги
Корявую кожу земли,—
Чтобъ осенью снѣжныя вьюги
Пустынный просторъ занесли.

Краснѣетъ лукаво гречиха,
Синѣетъ младенческій ленъ...
И снова все бѣло и тихо,
Лишь волки проходятъ какъ сонъ.

Колеблются нивы отъ гула,
Ихъ топчетъ озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Взрѣзаетъ имъ грудь бороздой.

А древніе пращуры зорко
Слѣдятъ за работой сыновъ,
Ветлой наклоняясь съ пригорка,
Туманомъ вставая съ луговъ.

И дальше тропой неизбѣжной,
Сквозь годы и бѣдствій и смутъ,
Влечется, суровый, прилежный,
Вѣками завѣщанный трудъ.

2. ВЕСЕННІЙ ДОЖДЬ.

Надъ просторомъ позлащеннымъ
Пестрыхъ нивъ и дальнихъ рощъ,
Шумомъ робкимъ и смущеннымъ
Застучалъ весенній дождь.

Вѣтеръ гнетъ струи въ изгибы,
Словно стебли камыша,
Въ небѣ мечутся, какъ рыбы,
Птицы, къ пристани спѣша.

Солнце смотритъ и смѣется,
Гребни травокъ золотя...
Что жъ намъ, людямъ, остается
Въ мірѣ, зыбкомъ какъ дитя!

Съ солнцемъ смотримъ, съ небомъ плачемъ,
Съ вѣтромъ лугомъ шелестимъ...
Что мы знаемъ? что мы значимъ?
Мы—цвѣты! мы—мигъ! мы—дымъ!

Надъ просторомъ позлащеннымъ
Пестрыхъ нивъ и дальнихъ рощъ,
Шумомъ робкимъ и смущеннымъ
Прошумѣлъ весенній дождь.

3. РАДУГА.

Семицвѣтнымъ полукругомъ
Ты взнеслась надъ влажнымъ лугомъ,
Утвердивъ въ травѣ края.
Мостъ, который въ долы наши
Велъ Ириду съ горней чашей,
Знаю,—ты мечта моя!

Ты таилась въ капляхъ влаги,
Словно въ зыбкомъ саркофагѣ, —
Лучъ зиждительный дробя.
Ясный взоръ мой, Божье чудо,
Заглянувъ въ струи,—оттуда
Вывелъ, яркую, тебя!

Но, какъ греза о нездѣшнемъ,
Ты горишь надъ лугомъ вешнимъ,
Въ небѣ, радужнымъ вѣнцомъ.
И, творецъ передъ твореньемъ,
Преклонясь съ благоговѣньемъ,
Я тебѣ пою псаломъ!

4. АВГУСТЪ.

И первый листъ любезенъ падшій.
Вяч. Ивановъ.

Здравствуй, Августъ, вѣнчанъ хмелемъ,
Смуглый юноша-сатиръ!
Мы ковры подъ дубомъ стелемъ,
Мы въ лѣсу готовимъ пиръ!

Будь межъ нами гость желанный,
За простымъ лѣснымъ столомъ.
Груды грушъ благоуханны,
Чаши пѣнятся виномъ.

Заплелись багрянцы клена
Въ золотую ткань дубовъ,
Но за ними—небосклона
Синій кругъ безъ облаковъ.

Словно этотъ плодъ созрѣлый,
Лѣто соками полно!
Пей же съ нами, чашей цѣлой,
Вѣчно жгучее вино!

Ты, серпы точившій въ полѣ,
Ты, поднявшій первый цѣпъ,
Славь недѣли полной воли,
Новый плодъ и новый хлѣбъ!

Августъ милый! отрокъ смуглый!
Какъ и мы, ты тоже пьянъ.
Свечерѣло. Мѣсяцъ круглый
Озарилъ круги полянъ.

Мы не споримъ, не ревнуемъ,
Припадая, какъ во снѣ,
Истомленнымъ поцѣлуемъ
Къ обнажившейся спинѣ.

5. ВЪ ЛУГАХЪ.

Задремалъ пастухъ понурый
Надъ унылостью равнинъ.
Тучи медленны и хмуры,
Прѣетъ мята, вѣетъ тминъ.

Спитъ пастухъ и смутно слышитъ,
Жвачку ровную коровъ,
А надъ соннымъ осень дышитъ
Чарой скошенныхъ луговъ.

Спитъ пастухъ, но въ тихомъ стадѣ
Есть другой сторожевой—
Въ бѣломъ дѣдовскомъ нарядѣ
И съ вѣнцомъ надъ головой.

Онъ пришелъ отъ ближней рѣчки,
Гдѣ дрожали тростники:
Передъ нимъ встаютъ овечки,
На него глядятъ быки.

Лошадямъ онъ гривы гладитъ,
Жеребятъ сбираетъ въ кругъ,
И со злой овчаркой ладитъ,
Какъ хозяинъ и какъ другъ.

Спитъ пастухъ, и дышитъ тминомъ,
И во снѣ видѣньямъ радъ...
Тихо бродитъ по долинамъ
Древній пастырь мѣстныхъ стадъ.

6. ОСЕННЕЕ ПРОЩАНІЕ ЭЛЬФА.

Въ небѣ благость, въ небѣ радость, Солнце льетъ живую
сладость, Солнцу—вѣрность, Солнцу—вздохъ!
Но листокъ родного клена, прежде сочный и зеленый, накло-
нился и засохъ.

Въ небѣ снова ясность мая, облака уходятъ, тая, въ завле-
кательную даль.
Но часы тепла короче, холоднѣй сырыя ночи, отлетѣвшихъ
птичекъ жаль!

Ахъ! гдѣ тихо ропщутъ воды, вновь составить хороводы легкихъ братьевъ и сестеръ!
Но никто не слышитъ зова, и гудитъ въ отвѣтъ, сурово, порѣдѣвшій, строгій боръ.

Вѣютъ струи аромата, и по нивѣ, грустно сжатой, и по скошеннымъ лугамъ,
Но ни бабочекъ блестящихъ, ни стрекозъ, въ лучѣ дрожащихъ, не видать ни здѣсь, ни тамъ!

Гдѣ вы, братья! сестры, гдѣ вы! наши пляски и напѣвы—отзвенѣли, отошли!
Сгибнуть эльфамъ легкокрылымъ, вмѣстѣ съ августомъ унылымъ, вмѣстѣ съ прелестью земли!

Но сегодня въ небѣ радость! Солнце льетъ, прощаясь, сладость! Солнцу—вѣрность, Солнцу—вздохъ!
Въ мигъ послѣдній, съ тѣмъ же гимномъ, здѣсь, въ лѣсу гостепріимномъ, упаду на сѣрый мохъ!

МГНОВЕНІЯ.

1. ЧАСЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Воспоминанье, съ нѣжной грустью,
Меня въ глаза цѣлуетъ. День
Струей чуть слышной льется къ устью,
И на душу ложится тѣнь.

Вновь какъ морякъ, носимый моремъ,
Всю жизнь я вижу предъ собой,
Съ ея надеждами и горемъ,
Съ ея безумствомъ и мечтой.

И, заслоняя всѣ другіе,
Чуть зримы въ жуткой тишинѣ,
Двухъ женщинъ облики нѣмые
Во мглѣ склоняются ко мнѣ.

То съ дерзкой дрожью сладострастья,
Съ безстыднымъ отблескомъ въ зрачкахъ,
Манятъ меня видѣньемъ счастья,
Забытаго въ холодныхъ дняхъ;

То смотрятъ нѣжно и любовно,
И, не ревнуя, не кляня,
О всемъ погибшемъ плачутъ, словно
И обо мнѣ и за меня!

И снова я изъ бездны черной
Стремлюсь къ далекимъ берегамъ,—
Но кто-то шепчетъ мнѣ упорно,
Что жребій свой я выбралъ самъ.

. . . . . .

День потонулъ во мглѣ безбрежной,
Кругомъ прибой грозящихъ струй...
Воспоминанье, съ грустью нѣжной,
Вновь близитъ страшный поцѣлуй.

2. КОТОРЫЙ РАЗЪ.

Опять весна. Знакомый кругъ
Замкнутъ—который разъ!
И снова зеленъ вешній лугъ,
Въ росѣ—вечерній часъ.

Смотрю—какъ мѣсяцъ въ темный прудъ—
Въ зрачки любимыхъ глазъ,
Уста къ устамъ, дрожа, прильнутъ...
Прильнутъ—который разъ!

И будетъ мигъ, какъ долгій сонъ,
Качать, баюкать насъ.
Я странно счастливъ, я влюбленъ...
Влюбленъ!—который разъ?

И въ стройныхъ строфахъ вновь мечты
Поютъ—который разъ!
А мѣсяцъ смотритъ съ высоты—
Вѣковъ холодный глазъ.

3. ГРУСТНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Грустный сумракъ, грустный вѣтеръ, шелесты въ дубахъ.
Вспоминаетъ вечеръ о далекихъ снахъ.

Вѣтеръ шепчетъ, шепчетъ грустно чье-то имя мнѣ.
Звѣздамъ безпріютно въ черной вышинѣ.

Тотъ же вѣтеръ, гость осенній, всѣ мечты унесъ.
Въ сумракѣ, какъ тѣни, образы березъ.

Сумракъ никнетъ, душу вяжетъ, вечеръ спитъ, я сплю.
Въ тишинѣ кто скажетъ тихое: люблю!

Черенъ сумракъ, вѣтеръ умеръ, умеръ гулъ въ дубахъ.
Въ тишинѣ что думать о погибшихъ снахъ!

4. СНЫ.

Сны играютъ на просторѣ,
Подъ магической луной.
Ѳ. Тютчевъ.

Спите, дѣти! спите, люди!
Въ тихой темнотѣ,
У земной, родимой груди,
Преданы мечтѣ!

Ваши грезы ночь уноситъ
Въ высь своей тропой.
Кроткій мѣсяцъ отблескъ броситъ
На крылатый рой...

Что вамъ утро! Утромъ глянетъ
Безпощадный свѣтъ;
Утромъ душу снова ранитъ
Сталь людскихъ клеветъ.

Трудъ и дряхлая забота
Днемъ васъ стерегутъ,
Властно требуютъ отчета,
Произносятъ судъ.

Днемъ стучатъ, стучатъ лопаты
У глухихъ могилъ,
И во глубь вашъ духъ крылатый
Падаетъ безъ силъ.

Ночь васъ нѣжитъ, ночь уноситъ
Въ лучшій міръ мечты,
Гдѣ луна сіяньемъ коситъ
Звѣздные цвѣты.

Спите, люди! спите, дѣти!
Грезамъ нѣтъ границъ!
Пусть летаютъ въ лунномъ свѣтѣ
Сны, какъ стаи птицъ!

5. УСТАЛОСТЬ.

Не дойти мнѣ! не дойти мнѣ! я усталъ! усталъ! усталъ!
Сушь степей гостепріимнѣй, чѣмъ уступы этихъ скалъ!

Всюду камни, только камни! мохъ да горная сосна!
Грудь гранита, будь мягка мнѣ! спой мнѣ пѣсню, тишина!

Вотъ роняю посохъ пыльный, вотъ упалъ, въ пыли простертъ,
Вотъ лежитъ, какъ прахъ могильный, тотъ, который былъ такъ гордъ!

Тамъ, за этимъ сѣрымъ кряжемъ, цѣль моихъ завѣтныхъ дней.
Я не встану первымъ стражемъ у Ея святыхъ дверей!

Не склонюсь, цѣлуя свято, въ Храмъ ведущую ступень...
Отъ Востока до Заката надо мной проходитъ день.

Солнце канетъ за уступомъ, ночь протянетъ черный шелкъ,
И сюда за новымъ трупомъ поползетъ за волкомъ волкъ.

Долго ль взоръ мой будетъ въ силахъ отражать ихъ натискъ злой?
Стынетъ кровь въ замерзшихъ жилахъ! словно факелъ предо мной!

Не дошелъ я! не свершилъ я — подвигъ свой! усталъ! упалъ!
Чу! шуршатъ угрюмо крылья духовъ мести между скалъ!

6. АНГЕЛЪ БЛАГОГО МОЛЧАНІЯ.

МОЛИТВА.

Ангелъ благого молчанія,
Властно уста загради,
Въ часъ когда силой страданія
Сердце трепещетъ въ груди!

Ангелъ благого молчанія,
Радостнымъ быть помоги,
Въ часъ когда шумъ ликованія
Къ небу возносятъ враги!

Ангелъ благого молчанія,
Гордость въ душѣ оживи,
Въ часъ когда пламя желанія
Быстро струится въ крови!

Ангелъ благого молчанія,
Смолкнуть устамъ повели,
Въ часъ когда льнетъ обаяніе
Вѣчно любимой земли!

Ангелъ благого молчанія,
Душу себѣ покори,
Въ часъ когда брежжетъ сіяніе
Долго желанной зари!

Въ тихихъ глубинахъ сознанія
Свѣтятъ святые огни!
Ангелъ благого молчанія,
Душу отъ словъ охрани!

7. ЛИКОРНЪ.

СОНЕТЪ.

Столѣтній боръ. Вечерній сумракъ зеленъ.
Мнѣ щеки нѣжитъ мохъ и мягкій дернъ.
Мелькаютъ эльфы. Гномы изъ расщелинъ
Гранита смотрятъ. Крадется ликорнъ.

Зачѣмъ мой духъ не воленъ и не цѣленъ!
Зачѣмъ въ груди пылаетъ ярый горнъ!
Кто страсть мнѣ присудилъ? и кѣмъ онъ велѣнъ,
Суровый приговоръ безстрастныхъ норнъ?

Свободы! Тишины! Путемъ знакомымъ
Сойти въ пещеру къ празднующимъ гномамъ.
Иль съ дочерьми Царя Лѣсного пѣть,

Иль мирно спать, со мхомъ, съ землей, съ гранитомъ...
Нѣтъ! голосомъ жестокимъ и несытымъ
Звучитъ во мнѣ, считая миги, мѣдь.

ЭРОТИКА.

ОТРЕЧЕНІЕ.

СЕКСТИНА.

Все кончено! Я понялъ безнадежность
Меня издавна мучившей мечты.
Мою любовь, и страсть мою, и нѣжность
Ни передъ кѣмъ я не пролью, — и ты,
Моя душа, смиришь свою мятежность,
Въ напрасной жаждѣ вѣщей Красоты!

Какъ сладостно на голосъ Красоты,
Закрывъ глаза, стремиться въ безнадежность,
И бросить жизнь въ кипящую мятежность!
Какъ сладостно сгорѣть въ огнѣ мечты,
Въ безумномъ снѣ, гдѣ слиты „я“ и „ты“,
Гдѣ ранитъ на смерть лезвеями нѣжность!

Но въ мірѣ, гдѣ любовь на время,—нѣжность
Лишь оскорбленье вѣщей Красоты.
Не бейся, сердце! Въ этой жизни ты
Должно быть изъ желѣза! Безнадежность
Горитъ надъ обликомъ твоей мечты.
Смири, смири своей алчбы мятежность!

Достаточно позора! Всю мятежность
Своихъ порывовъ помню! Помню нѣжность
Своихъ признаній! Весь обманъ мечты!
И что жъ! Во храмѣ лживой красоты
Я слышалъ, какъ смѣется Безнадежность,
И самъ, въ отчаяньи, стоналъ: „Не ты!“

Царица думъ и всѣхъ желаній! Ты
Не явишь лика. Взоровъ безмятежность
Мнѣ не покажешь. Ты не примешь нѣжность
Моихъ усталыхъ губъ. Ты „безнадежность“
Дашь мнѣ девизомъ. Тайну Красоты
Дано мнѣ знать лишь въ призракѣ мечты.

И буду я надъ пропастью мечты
Стоять, склоняясь, повторяя: „ты?“
Любуясь ликомъ вѣщей Красоты.
И пусть звучитъ въ моихъ стихахъ мятежность!
Тамъ вся любовь, вся страсть моя, вся нѣжность,—
Но ихъ, смѣясь, вѣнчаетъ Безнадежность.

Ἔρως ἀνίκατε μάχαν.

I. ВСТРѢЧА.

Близъ медлительнаго Нила, тамъ, гдѣ озеро Мерида, въ
царствѣ пламеннаго Ра,
Ты давно меня любила, какъ Озириса Изида, другъ, ца-
рица и сестра!
И клонила пирамида тѣнь на наши вечера.

Вспомни тайну первой встрѣчи, день, когда во храмѣ
пляски увлекли насъ въ темный кругъ,
Часъ, когда погасли свѣчи, и когда, какъ въ странной
сказкѣ, каждый каждому былъ другъ,
Наши рѣчи, наши ласки, счастье, вспыхнувшее вдругъ!

Развѣ ты, въ сіяньи бала, легкій станъ склонивъ мнѣ
въ руки, черезъ завѣсу временъ,
Не разслышала кимвала, не постигла гимновъ звуки и
толпы отвѣтный стонъ?
Не сказала, что разлуки—конченъ, конченъ долгій сонъ!

Наше счастье—прежде было, наша страсть—воспоминанье,
наша жизнь—не въ первый разъ,
И, за временной могилой, неугасшія желанья съ прежней
силой дышатъ въ насъ,
Какъ близъ Нила, въ часъ свиданья, въ роковой и крат-
кій часъ!

2. НЕИЗБѢЖНОСТЬ.

ОКТАВЫ.

Не все ль равно, была ль ты мнѣ вѣрна?
И былъ ли вѣренъ я, не все равно ли?
Не нами наша близость рѣшена,
И взоры уклонить у насъ нѣтъ воли.
Я вновь дрожу, и снова ты блѣдна,
Въ предчувствіи неотвратимой боли.
Мгновенья съ шумомъ льются, какъ потокъ,
И страсть надъ нами взноситъ свой клинокъ.

Кто бъ насъ ни создалъ, жаждущихъ другъ друга,
Богъ или Рокъ, не все ли намъ равно!
Но мы—въ чертѣ магическаго круга,
Заклятіе надъ нами свершено!
Мы клонимся отъ счастья и испуга,
Мы падаемъ,—два якоря на дно!
Нѣтъ, не случайность, не любовь, не нѣжность,—
Надъ нами торжествуетъ—Неизбѣжность.

3. ЕЯ КОЛѢНИ...

РОНДО.

Ея колѣни я цѣлую. Тѣни
Склоняются, цѣлуя насъ двоихъ.
Весь міръ вокругъ застѣнчиво затихъ.
Мы—вымыселъ безвѣстныхъ вдохновеній,
Мы—стараго рондо пѣвучій стихъ.

Пѣвецъ забытый! Братъ временъ святыхъ!
Ты пѣснѣ ввѣрилъ жалобы и пени,
И вотъ сегодня мнѣ поютъ твой стихъ
Ея колѣни.

„Въ вѣнкѣ изъ терній дни мои; межъ нихъ
„Одинъ лишь часъ въ уборѣ изъ сирени.
„Какъ Суламиѳи—домъ, гдѣ спитъ женихъ,
„Какъ Александру—дверь въ покой къ Еленѣ,
„Такъ были сладостны для губъ моихъ
Ея колѣни.“

4. ЛИШЬ ОДНОГО!

ГАЗЭЛЛА.

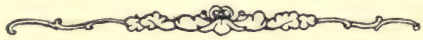
Лишь одного: я быть съ тобой хочу!
Съ твоей мечтой слить трепетъ свой—хочу!

Надъ глубью глазъ повиснувъ въ высотѣ,
Дышать ихъ ночью, влажной тьмой—хочу!

Въ гробу объятій, въ жуткой тѣснотѣ,
Услышать близко сердца бой—хочу!

Вдвоемъ спѣшить къ мучительной метѣ,
И вмѣстѣ пасть у цѣли той—хочу!

Какъ палачу, отдаться красотѣ,
И съ плахи страсти крикнуть: „твой!“—хочу!



5. ПРИЗРАКЪ НЕИЗБѢЖНЫЙ.

ТРІОЛЕТЫ.

Твой ликъ, загадочный и нѣжный,
Какъ отраженье въ глубинѣ,
Склонился медленно ко мнѣ.
Твой ликъ, загадочный и нѣжный,
Возникъ въ моемъ тревожномъ снѣ.
Встрѣчаю призракъ неизбѣжный:
Твой ликъ загадочный и нѣжный,
Какъ отраженье въ глубинѣ.

Твои уста, какъ уголь жгучій,
Язвятъ мнѣ очи, плечи, грудь,
И сладко мнѣ въ огнѣ тонуть.
Твои уста—какъ уголь жгучій!..
Мой сонъ! полнѣй и ярче будь,
Томи меня, пали и мучай!
Твои уста, какъ уголь жгучій,
Язвятъ мнѣ очи, плечи, грудь.

Неспѣшный ужасъ сладострастья,
Какъ смертный холодъ лезвея,
Вбираетъ жадно жизнь моя.
Неспѣшный ужасъ сладострастья
Растетъ, какъ бури шумъ, —и я
Благословляю стономъ счастья
Неспѣшный ужасъ сладострастья,
Какъ смертный холодъ лезвея.

6. ВЪ ПОТОКѢ.

Я былъ простертъ, я былъ какъ мертвый. Ты богомольными
руками мой станъ безвольный обвила,
Ты распаленными устами мнѣ грудь и плечи, лобъ и губы,
какъ краснымъ углемъ, обожгла.

И, множа странные соблазны, мѣняя ликъ многообразный,
въ меня впиваясь сотней жалъ,
Духъ непокорный съ башни черной ты сорвала рукой упор-
ной, и съ нимъ низринулась въ провалъ.

Въ безсильи падая, лишь крылья я видѣлъ надъ собой—да
алый, отъ свѣжей крови влажный, ротъ.
И скалы повторяли крики, и чьи-то поблѣднѣли лики, и пали
мы въ водоворотъ.

И я не спорилъ съ темнымъ Рокомъ. Мой трупъ неистовымъ
потокомъ несло по остріямъ камней,
И когти мнѣ терзали тѣло, и сердце слабое нѣмѣло, и ужасъ
былъ въ душѣ моей.

Но въ мигъ послѣдній онѣмѣнья, вдругъ совершилось воз-
рожденье, и успокоенный потокъ
Внезапно, съ нѣжностью небрежной, мой трупъ, страданьемъ
искаженный, отбросилъ сонно на песокъ.

7. БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

Que tes mains soient bénies,
car elles sont impures!

Remy de Gourmont.

Сіянье глазъ твоихъ благословляю!
Въ моемъ бреду свѣтило мнѣ оно.

Улыбку устъ твоихъ благословляю!
Она меня пьянила, какъ вино.

Твоихъ лобзаній ядъ благословляю!
Онъ отравилъ всѣ думы и мечты.

Твоихъ объятій серпъ благословляю!
Все прошлое во мнѣ имъ сжала ты.

Огонь любви твоей благословляю!
Я радостно упалъ въ его костеръ.

Весь мракъ души твоей благословляю!
Онъ надо мной свое крыло простеръ.

За все, за все тебя благословляю,
За скорбь, за боль, за ужасъ долгихъ дней,

За то, что влекся за тобою къ Раю,
За то, что стыну у его дверей!

8. КЪ ПАСИФАѢ.

СОНЕТЪ.

Нѣтъ, не тебя такъ рабски я ласкаю!
Въ тебѣ я женщину покорно чту,
Земной души завѣтную мечту,
За ней влекусь къ предсказанному раю!

Я чту въ тебѣ твою святыню,—ту,
Чей ясный лучъ сквозь дымъ я прозрѣваю.
Я, упоивъ тебя, какъ Пасифаю,
Подъемлю взоръ къ тебѣ, какъ въ высоту!

Люби иль смѣйся,—счетовъ нѣтъ межъ нами,—
Я все равно приду ласкать тебя!
Меня спасая и меня губя,

На всѣхъ путяхъ, подъ всѣми именами,
Ты—воплощенье тайны міровой,
Ты—мой Грааль, я—вѣрный рыцарь твой!

МЕРТВАЯ ЛЮБОВЬ.

1. РАННЯЯ ОСЕНЬ.

Ранняя осень любви умирающей.
Тайно люблю золотые цвѣта
Осени ранней, любви умирающей.
Вѣтви прозрачны, аллея пуста,
Въ сини блѣднѣющей, вѣющей, тающей
Странная тишь, красота, чистота.

Листья со вздохомъ, подъ вѣтромъ, ихъ нѣжащемъ,
Тихо взлетаютъ и катятся вдаль,
(Думы о прошломъ въ видѣніи нѣжащемъ).
Жить и не жить—хорошо и не жаль.
Острымъ серпомъ, безболѣзненно рѣжущимъ,
Сжаты въ душѣ и восторгъ и печаль.

Ясное солнце—безъ прежней мятежности,
Дождь—словно капли струящихся росъ,
(Томныя ласки безъ прежней мятежности),
Запахъ, въ садахъ, доцвѣтающихъ розъ.
Въ сердцѣ родникъ успокоенной нѣжности,
Счастье—безъ ревности, страсть—безъ угрозъ.

Здравствуйте, дни, голубые, осенніе,
Золото липъ и осинъ багрянецъ!
Здравствуйте, дни, предъ разлукой, осенніе!
Блѣдный—надъ яркими днями—вѣнецъ!
Дни недосказанныхъ словъ, и мгновенія
Въ кроткой покорности слитыхъ сердецъ!

2. НА НѢЖНОМЪ ЛОЖѢ.

Ты пѣсенъ ждешь?—Царица, нѣтъ ихъ!
Въ душѣ нѣтъ словъ, огня—въ умѣ.
А сколько громкихъ, сколько спѣтыхъ—
Все о тебѣ—въ моей тюрьмѣ!

Одна мечта, одна тревога
Была со мной въ аду моемъ:
Сойдешь ли ты, какъ ангелъ Бога,
Ко мнѣ, сегодня, съ палачомъ?

И свѣтъ являлся. Тамъ, у двери,
Рабы сдвигали копья въ строй,
А ты, подобная пантерѣ,
Свой бичъ взносила надо мной.

О, этотъ бичъ! Онъ былъ такъ сладокъ!
Пьянилъ онъ, какъ струя вина!
И ты,—загадка изъ загадокъ!—
Давала кубокъ пить до дна!

Восторгъ былъ—въ каждомъ содроганьи,
И стонъ мой—исторгала страсть.
Я исчезалъ въ одномъ желаньи:
Куда-то ниже, ниже пасть...

Ты уходила. На соломѣ
Я былъ простертъ, чуть живъ, въ крови,
И пѣлъ въ ласкательной истомѣ
Глаза прекрасные твои!

О, сколько пѣсенъ! Эти звуки
Надъ яснымъ прошлымъ—какъ вѣнцы.
Пусть эта грудь и эти руки
Хранятъ священные рубцы!..

. . . . . .
И вотъ я здѣсь, на нѣжномъ ложѣ.
Къ моимъ устамъ ты жмешь уста!
Ты вся со мной... Царица! что же!
Гдѣ боль? гдѣ пѣсня? гдѣ мечта?

3. СНОВА.

Почему мы снова связаны
Страсти пламеннымъ жгутомъ?
Иль не всѣ слова досказаны
Въ черномъ, призрачномъ быломъ?

Почему мы снова вброшены
Вмѣстѣ въ тайну темноты?
Иль не всѣ надежды скошены,
Словно осенью цвѣты?

Мы, безвольные, простертые,
Вновь—на ложѣ страстныхъ мукъ.
Иль въ могилѣ двое, мертвые,
Оплели изгибы рукъ?

Или тѣни безтѣлесныя,
Давней страсти не забывъ,
Все хранятъ объятья тѣсныя,
Длятъ безсмысленный порывъ?

Боже сильный, власть имѣющій,
Воззови насъ къ жизни вновь,—
Иль оставь въ могилѣ тлѣющей,—
Страшенъ, страшенъ сонъ яснѣющій,
Наша мертвая любовь!

4. ВЪ ПОЛНОЧЬ.

Понялъ! мы въ раю!
Stephanos.

—„Ты—мой, какъ прежде?“—„Твой, какъ прежде!“
—„Ты счастливъ?“ – „Счастливъ.“—„Все, какъ прежде!“

Полночь въ стекла сонно бьетъ.
Ночь свершаетъ свой обходъ.

—„Цѣлуй меня! Цѣлуй, какъ прежде!“
—„Тебя цѣлую я, какъ прежде!“

Заступъ въ землю глухо бьетъ.
Ночь свершаетъ свой обходъ.

—„Мы въ мірѣ лишь вдвоемъ, какъ прежде?“
—„Да, въ мірѣ лишь вдвоемъ, какъ прежде.“

Кто сказалъ, что гробъ несутъ?
Четокъ, четокъ стукъ минутъ!

—„А гдѣ жъ блаженство, то, что прежде?“
—„Блаженство было, прежде, прежде!“

Чу! земли за комомъ комъ.
Ночь застыла за окномъ.

—„Иль мы въ могилѣ, вновь, какъ прежде?“
—„Да, мы въ могилѣ, вновь, какъ прежде.“

Вѣтеръ травы сонно мнетъ.
Ночь свершаетъ свой обходъ.

5. ХОЛОДЪ.

Холодъ, тѣло тайно сковывающій,
Холодъ, душу очаровывающій...

Отъ луны лучи протягиваются,
Къ сердцу иглами притрагиваются.

Въ этомъ блескѣ—все осилившая власть,
Умираетъ обезкрылѣвшая страсть.

Все во мнѣ—лишь смерть и тишина,
Цѣлый міръ—лишь твердь и въ ней луна.

Гаснутъ въ сердцѣ не взлелѣянные сны,
Гибнутъ цвѣтики осмѣянной весны.

Снѣгъ сѣтями разстилающимися
Вьетъ надъ днями забывающимися,

Надъ послѣдними привязанностями,
Надъ святыми недосказанностями!

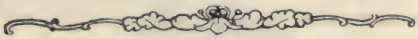
6. УМИРАЮЩІЙ КОСТЕРЪ.

Бушуетъ вьюга и взметаетъ
Вихрь надъ слабѣющимъ костромъ;
Холодный снѣгъ давно не таетъ,
Ложась вокругъ огня кольцомъ.

Но мы, прикованные взглядомъ
Къ послѣдней, черной головнѣ,
На ложе смерти никнемъ рядомъ,
Какъ въ нѣжномъ и счастливомъ снѣ.

Пусть молкнутъ зовы безъ отвѣта,
Пусть торжествуютъ ночь и ледъ,—
Во снѣ мы помнимъ праздникъ свѣта,
Да искръ безумный хороводъ!

Ликуетъ вьюга, давитъ тупо
Намъ грудь фатой изъ серебра,—
И къ утру будемъ мы два трупа
У заметеннаго костра!



7. ИЗЪ ТИХИХЪ БЕЗДНЪ.

Изъ тихихъ безднъ—къ тебѣ послѣдній крикъ,
Изъ тихихъ безднъ, гдѣ твой завѣтный ликъ,
Какъ призракъ жизни надо мной возникъ.

Сомкнулся пологъ голубой воды,
И свѣтитъ странно въ окна изъ слюды
Медузы блескъ и блескъ морской звѣзды.

Среди коралловъ и гранитныхъ глыбъ
Сіяютъ стаи разноцвѣтныхъ рыбъ.
Знакомый міръ—ушелъ, отцвѣлъ, погибъ.

Я смертно стыну въ неотступномъ снѣ...
Зачѣмъ же ты, въ холодной глубинѣ,
Какъ призракъ жизни, клонишься ко мнѣ?

Я въ тихихъ безднахъ помню прошлый рай.
Изъ тихихъ безднъ къ тебѣ мой крикъ,—внимай:
Въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ,—прощай!

ОБРЕЧЕННЫЙ.

I. ГОЛОСЪ.

„Ты—мой, моей рукой отмѣченъ,
И я, увѣренная, жду.
Играй, безуменъ и безпеченъ,
Отъ счастья смѣйся, плачь въ бреду.—
Ты вдругъ очнешься, въ часъ закатный,
Поймешь мой зовъ, лишь сердцу внятный,
И съ воплемъ крикнешь мнѣ: иду!

Ты многимъ клялся: буду вѣренъ!
Ты многимъ говорилъ: я—твой!
Но неизмѣненъ и размѣренъ
Событій трепетъ роковой.
Что было,—только предвѣщанья,
Что было,—лишь знаменованья
Того, что быть должно со мной!

Ты самъ не понялъ, не извѣдалъ
Своей послѣдней глубины,
Ты душу радостности предалъ,
Какъ зыби медленной волны.
Я жду тебя съ мечомъ разящимъ.
Въ быломъ, въ грядущемъ, въ настоящемъ—
Мнѣ дни твои обречены!“

2. ОТВѢТЪ.

Остро и пламенно ранитъ
Взоръ твой, блестящій клинокъ.
Сердце искать не устанетъ.
Сердце,— какъ въ маѣ цвѣтокъ.
Снова ли душу обманетъ
Богомъ назначенный срокъ?

Року иду я на встрѣчу,
Взоръ упирая во взоръ:
Рыцарь—въ жестокую сѣчу,
Вѣрный—на ярый костеръ.
Ты позовешь,—я отвѣчу,
Скажешь,—приму приговоръ.

Долго я ждалъ. Неужели
Дрогнетъ и эта рука?
Строгія струны пропѣли,
Цѣль моей жизни близка.
Ближе я... ближе... у цѣли...
А! синій отблескъ клинка!

3. ОСЕНЬЮ.

Небо ярко, небо сине
Въ чистомъ золотѣ вѣтвей,
Но струится тѣнь въ долинѣ,
И звенитъ вокругъ чуть слышно
Нѣжный зовъ—не знаю чей.

Это призракъ или птица
Бѣло рѣетъ въ вышинѣ?
Это осень или жрица,
Въ ризѣ пламенной и пышной,
Наклоняетъ ликъ ко мнѣ?

Слышу, слышу: ты пророчишь!
Тихій путь не уклоня,
Я исполню все, что хочешь!
Эти яркія одежды,
Понялъ, понялъ,—для меня!

Это ты—на смертномъ ложѣ
Ждешь покорнаго тебѣ!
Пусть же тѣнь ложится строже!
Я иду, закрывши вѣжды,
Вѣренъ Тайнѣ и Судьбѣ.

4. ЛУННЫЙ ДЬЯВОЛЪ.

Лунный дьяволъ, блѣдно матовые,
Наклонилъ къ землѣ рога.
Взоры, призрачно-агатовые,
Смотрятъ съ неба на снѣга,
Словно тихо міръ захватывая
Въ сѣти хитраго врага.

Руки, тонкой сѣтью сдавленныя,
Безъ надеждъ упали ницъ,
Рѣютъ тѣни новоявленныя,
Словно стаи пестрыхъ птицъ.
Вижу вспышки молній, вправленныя
Въ бархатъ сумрачныхъ рѣсницъ.

Знаю, знаю:—крѣпко скрученнаго
Опрокинешь ты во мглу,
Къ синимъ молніямъ пріученнаго,
Покоришь глухому злу,
И потомъ въ врага замученнаго
Кинешь вѣрную стрѣлу!

Лунный дьяволъ! Блѣдно матовые,
Наклони къ землѣ рога!
Взоры, призрачно-агатовые,
Съ высоты вонзи въ снѣга,
И меня и міръ захватывая
Въ сѣть коварнаго врага!

5. СЕБАСТІАНЪ.

На медленномъ огнѣ горишь ты и сгораешь,
Душа моя!
На медленномъ огнѣ горишь ты и сгораешь,
Свой стонъ тая.

Стоишь, какъ Себастьянъ, пронизанный стрѣлами,
Безъ силъ вздохнуть.
Стоишь, какъ Себастьянъ, пронизанный стрѣлами
Въ плечо и грудь.

Твои враги кругомъ, съ веселымъ смѣхомъ, смотрятъ,
Сгибая лукъ.
Твои враги кругомъ, съ веселымъ смѣхомъ, смотрятъ
На смѣны мукъ.

Горитъ костеръ, горитъ, и стрѣлы жалятъ нѣжно
Въ вечерній часъ.
Горитъ костеръ, горитъ, и стрѣлы жалятъ нѣжно
Въ послѣдній разъ.

Что жъ не спѣшитъ она къ твоимъ устамъ предсмертнымъ,
Твоя мечта?
Что жъ не спѣшитъ она—къ твоимъ устамъ предсмертнымъ
Прижать уста!

6. ВИДѢНІЕ.

Въ сумракѣ вечера ты—неподвижна,
Въ бѣломъ священномъ вѣнцѣ.
Въ сумракѣ вечера мнѣ непостижна
Скорбь на спокойномъ лицѣ.

Двое мы. Сумракъ холодный, могильный
Выдалъ мнѣ только тебя.
Двое мы. Или одинъ я, безсильный,
Медлю во мракѣ, скорбя?

Смотришь ты строгимъ и вдумчивымъ взоромъ...
Это прощанье иль зовъ?
Смотришь ты въ сердце съ безгнѣвнымъ укоромъ,
Словно изъ глуби вѣковъ.

Ты ль это? та, передъ кѣмъ, какъ предъ тайной,
Робко склонялись мечты?
Ты ль это здѣсь, или призракъ случайный:
Лучъ и игра темноты?

Медлю во мракѣ, глухомъ и глубокомъ,
Не отзываюсь, скорбя...
Медлю, вѣдь если ты послана Рокомъ,
Мнѣ не уйти отъ тебя!

7. БОЙ.

Нѣтъ, не могу покориться тебѣ!
Нѣтъ, буду вѣренъ послѣдней судьбѣ!

Та, кто придетъ, чтобы властвовать мной,—
Приметъ мой вызовъ на яростный бой.

Словно Брунгильда, приступитъ ко мнѣ;
Ликъ ея будетъ—какъ призракъ въ огнѣ.

Щитъ въ ея легкой рукѣ проблеститъ,—
Съ трескомъ расколется твердый мой щитъ.

Тщетно свой мечъ подниму на нее,—
Въ панцырь мой вражье вонзится копье.

Шлемъ мой покатится, грустно звеня.
Вражья рука опрокинетъ меня.

И, окровавленъ, безъ силъ, чуть живой,
Радостно крикну изъ праха: „Я—твой!“

8. LA BELLE DAME SANS MERCI.

Я не покрылъ лица забраломъ,
Не поднялъ твердаго щита,—
Я ждалъ одинъ, надъ темнымъ валомъ,
Гдѣ даль безмолвна и пуста.
Я звалъ: „Стрѣла чужого стана,
Взнесись и жизнь мою скоси!
Ты мнѣ предстань во мглѣ тумана,
La belle dame sans merci!“

Свершалъ я тайные обряды
Предъ алтаремъ въ молчаньи залъ.
Прекрасной Дамы безъ пощады
Я вѣчный призракъ заклиналъ:
„Явись, какъ мѣсяцъ надъ печалью,
Мой приговоръ произнеси,
Пронзи мнѣ сердце вѣрной сталью,
La belle dame sans merci!“

Встрѣчалъ я ликъ, на твой похожій,
За нимъ стремилъ покорный путь,
Какъ на костеръ, всходилъ на ложе,
Какъ въ плаху, поникалъ на грудь.
„Сожги меня послѣдней страстью,
Иль въ строгій холодъ вознеси,
Твоей хочу упиться властью,
La belle dame sans merci!“

Но шла ты, годъ за годомъ, мимо,
Недостижимой, неземной.
Ни разу ты, неумолимой,
Какъ Рокъ, не стала предо мной!
Приди,—огнемъ любви и муки
Во мнѣ всѣ жажды погаси,
И погрузи мнѣ въ сердце руки,
La belle dame sans merci!

СОНАТЫ.

I. ОБРЯДЪ НОЧИ.

Словно въ огненномъ дымѣ и лица и вещи...
Какъ хорошъ, при огняхъ, ограненный хрусталь!..
За плечомъ у тебя вѣетъ призракъ зловѣщій...
Ты—мечта и любовь! ты—укоръ и печаль!..

Словно въ огненномъ дымѣ земныя видѣнья...
А со дна подымаются искры вина,
Умираютъ, вздохнувъ и блеснувъ на мгновенье!..
Ты прекрасна, какъ смерть! ты, какъ счастье, блѣдна!

Слышу говоръ, и хохотъ, и звоны стакановъ.
Это дьяволы вышли, подъ мѣсяцъ, на лугъ?
Но мы двое стоимъ въ колыханьи тумановъ,
Насъ отъ духовъ спасетъ зачарованный кругъ.

Ты мнѣ шепчешь. Что шепчешь? Не знаю, не надо.
Умираетъ, смѣясь, золотое вино...
О тоска твоего утомленнаго взгляда!
Этотъ мигъ безнадежный мнѣ снился давно!

*

Брызнули радостно
Звуки крикливые.
Кто-то возникшій
Машетъ рукой.
Плакать такъ сладостно,
Плачу счастливый я.
Рядомъ—поникшій
Ликъ дорогой!

Гвозди желѣзные
Въ руки вонзаются,
Счастье распятья
Душитъ меня,
Падаю въ бездны я.
Тѣсно сжимаются
Руки, объятья,
Кольца огня.

Скрипка визгливая,
Арфа пѣвучая.
Кто-то возникшій
Машетъ рукой.
Плачу счастливый я...
Сладкая, жгучая
Нѣжность къ поникшей,
Къ ней, къ дорогой!

*

О святые хороводы, на таинственной полянѣ, близъ звенящихъ тихо струй,
Праздникъ ночи и природы, послѣ сладкихъ ожиданій, возвращенный поцѣлуй!

О незнанье! о невинность! робость радостнаго взгляда, перекрестный бой сердецъ!
И сліянье въ сказкѣ длинной, тамъ, гдѣ боль уже — услада, гдѣ блаженство и конецъ!

И сквозь сумрачныя сѣти, что сплели высоко буки, проходящій лучъ луны,
И въ его волшебномъ свѣтѣ чьи-то груди, чьи-то руки беззащитно сплетены!

*

Но почему темно? Горятъ безсильно свѣчи.
Пустой, громадный залъ чуть озаренъ. Тѣхъ нѣтъ.
Ихъ смолкли хохоты, ихъ отзвучали рѣчи.
Но насъ съ тобой связалъ мучительный обѣтъ.

Идемъ творить обрядъ! Не въ сладкой, дѣтской дрожи,
Но съ ужасомъ въ зрачкахъ,—извивы губъ сливать,
И стынуть, чуть дыша, на нежеланномъ ложѣ,
И ждать, что страсть придетъ, незваная, какъ тать.

Какъ милостыню, я приму покорно тѣло,
Вручаемое мнѣ, какъ жертва палачу.
Я всѣхъ святынь коснусь безжалостно и смѣло,
Въ отвѣтъ запретныхъ словъ спрошу,—и получу.

Но жертва кто изъ насъ? Ты брошена на плахѣ?
Иль осужденный—я, по правому суду?
Не знаю. Все равно. Чу! красныхъ крыльевъ взмахи!
Голгоѳа кончилась. Свершилось. Мы въ аду.

2. ВОЗВРАЩЕНІЕ.

ОНА.

Я пришла къ дверямъ твоимъ
Послѣ многихъ лѣтъ и зимъ.
Вѣдавъ грѣшные пути,
Не достойна я войти
Въ домъ, гдѣ Счастье знало насъ.
Я хочу въ послѣдній разъ
На твои глаза взглянуть,
И въ безвѣстномъ потонуть.

ОНЪ

Ты пришла къ дверямъ моимъ,
Гдѣ такъ много лѣтъ и зимъ,
Съ неизмѣнностью любя,
Я покорно ждалъ тебя.
Горьки были дни разлукъ,
Пусть же, послѣ жгучихъ мукъ,
То же Счастье, какъ въ быломъ,
Осѣняетъ насъ крыломъ.

ОНА.

Другъ! я вѣдала съ тѣхъ поръ
Всѣ паденья, весь позоръ!
Въ жаждѣ призрачныхъ утѣхъ,
Цѣловала жадно грѣхъ!

Слѣдъ твоихъ безгрѣшныхъ ласкъ
Обнажала въ вихрѣ пляскъ!
Твой дѣлившее восторгъ,
Тѣло—ставила на торгъ!

ОНЪ.

Другъ! ты вѣдала съ тѣхъ поръ,
Какъ жестокъ людской укоръ!
Рѣчью ласковой позволь
Успокоить эту боль;
Дай уста, въ святой тоскѣ,
Вновь прижать къ твоей рукѣ,
Дай молить тебя, чтобъ вновь
Ты взяла мою любовь!

ОНА.

Все былое мной давно
До конца осквернено.
Тайны сладостныхъ ночей,
И объятій, и рѣчей,
Какъ цвѣты бросая въ грязь,
Разглашала я, глумясь,
Посвящала злобно въ нихъ
Всѣхъ возлюбленныхъ моихъ!

ОНЪ.

Что́ свершила ты, давно
Прощено,—освящено
На огнѣ моей любви!
Душный, долгій сонъ порви,

Выйди вновь къ былымъ мечтамъ,
Словно жрица въ прежній храмъ!
Этотъ сумрачный порогъ
Всѣ святыни оберегъ!

ОНА.

Я не смѣю, не должна...
Здѣсь сіяла намъ весна!
Здѣсь вплетала въ смоль волосъ
Я вѣнокъ изъ желтыхъ розъ!
Здѣсь, при первомъ свѣтѣ дня,
Ты молился на меня!
Гдѣ то утро? гдѣ тотъ май?
Отсіяло все. Прощай.

ОНЪ.

Нѣтъ, ты смѣешь! ты должна!
Ты—тотъ май, и та весна,
Жемчугъ утръ и розъ янтарь!
Ты—моей души алтарь,
Вѣчно чистый и святой!
И, во прахѣ предъ тобой,
Вновь цѣлую я, безъ словъ,
Пыльный слѣдъ твоихъ шаговъ!

III.

ВЪ ЭПИЧЕСКОМЪ РОДѢ.

ЖИЗНЬ.

Безликая, она забыла счетъ обличій:
Подсказываетъ роль любовнику въ бреду,
И коршуна влечетъ надъ нивами къ добычѣ,
И гидрѣ маленькой даетъ дышать въ пруду.

Въ пустынѣ выжженной встаетъ былинкой смѣлой,
Въ ничтожной капелькѣ селитъ безмѣрный міръ,
Рождаетъ каждый мигъ, вплетаетъ тѣло въ тѣло,
И сѣмена существъ проноситъ чрезъ эѳиръ!

Отъ грозныхъ пирамидъ и гордыхъ библіотекъ
До горъ, воздвигнутыхъ изъ ракушекъ морскихъ,
Отъ криковъ дикаря, метнувшаго свой дротикъ,
До чернаго червя, который мудро тихъ,—

Сверкаетъ жизнь вездѣ, грохочетъ жизнь повсюду!
Бросаюсь въ глубь вѣковъ,—она горитъ на днѣ...
Бѣгу на высь временъ,—она кричитъ мнѣ: буду!
Она надъ всѣмъ, что есть; она во всемъ, во мнѣ!

О, братья: человѣкъ! бацилла! тигръ! гвоздика!
И жители иныхъ непознанныхъ планетъ!
И духи тайные, не кажущіе лика!
Мы всѣ — лишь бѣглый блескъ на вѣчномъ морѣ лѣтъ!

НАДПИСИ КЪ ГРАВЮРАМЪ.

1. ЗА УТЕСОМЪ.

Плыви, плыви рѣкой волнистой!
Мы за утесомъ стережемъ,
И въ знойный часъ, и въ вечеръ мглистый,
Съ кинжаломъ, лукомъ и копьемъ.

Купецъ богатый, странникъ скудный,
Изъ Рима робкій пилигримъ,—
Вы всѣ, съ отвагой безразсудной,
Скользите лономъ голубымъ!

Сіяетъ солнце, воздухъ нѣжитъ,
Вода какъ ясное стекло,
Но свистъ стрѣлы покой разрѣжетъ,—
И кормщикъ выронитъ весло!

Что юный гость? что путникъ старый?
Вся жизнь твоя свелась на вскрикъ!
Сбирай весь годъ свои товары,
Но съ прибылью простишься въ мигъ!

Плывите, люди, мимо! мимо!
Васъ жизнь влечетъ, васъ манитъ твердь,—
Но мы васъ ждемъ неумолимо:
Мы—горе! мы—бѣда! мы—смерть!

2. ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Къ стѣнѣ причалилъ челнъ полночный,
Упали петли изъ окна,
И вотъ по лѣстницѣ непрочной
Скользнула съ высоты Она.

Дрожа отъ счастья и тревоги,
За мигомъ мигъ слѣдили мы,—
Пока Ея коснулись ноги
До тихо зыблемой кормы!

Я принялъ, какъ святыню, въ руки
Ее, закрытую фатой.
И веселъ—были тихи звуки,
И челнъ—былъ призракъ надъ водой.

Она не молвила ни слова
И не явила намъ лица,
Но громче ропота морского
Стучали сильныя сердца!

И, наклоняя лица ниже,
Сжавъ рукояти шпагъ своихъ,
Мы знали всѣ, что ближе, ближе
Часъ поединковъ роковыхъ!

3. ВСТРѢЧА.

И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.
А. Пушкинъ.

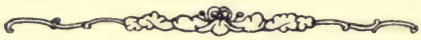
Ты мнѣ предстала какъ видѣнье,—
Въ глазахъ испугъ и смутный стыдъ.
Мы были рядомъ на мгновенье,
И встрѣчи жизнь не повторитъ.

Кто ты? откуда? съ кѣмъ таилась
Въ наемной комнатѣ вдвоемъ?
Куда, подъ утро, торопилась
Съ своимъ стыдливымъ узелкомъ?

Тебя любовь ли въ эти двери
Къ продажнымъ ложамъ привела,
И упоили ль въ полной мѣрѣ
Тебя и грѣхъ, и страсть, и мгла?

Иль ты пришла сюда за платой.
Съ тупымъ отчаяньемъ въ мечтахъ,
И называла ночь проклятой,
Дрожа безъ силъ въ чужихъ рукахъ?

И, возвращаясь въ повседневность,
Домой, межъ утреннихъ тѣней,
Обманешь ли ты мужа ревность,
Иль чуткость матери твоей?



4. МОНАХЪ.

На полѣ жизненнаго боя,
Гдѣ Рокъ влечетъ насъ, какъ самумъ,—
Душа возжаждала покоя,
Молитвъ и одинокихъ думъ!

И вотъ презрѣвъ соблазнъ свободы
И міра призрачную ширь,
Сошелъ я подъ глухіе своды,
Въ твои затворы, монастырь!

Внѣ стѣнъ—и ужасъ и веселье,
Пиры любви и красоты.
Но здѣсь хранитъ ревниво келья
Всегда спокойныя мечты.

Я жизни иноческой свято
Блюду опредѣленный чинъ,
И дни, съ восхода до заката,—
Какъ рядъ медлительныхъ годинъ.

Люблю я благовѣстъ разсвѣта,
Церковной службы череду,
Степенность братскаго привѣта,
Ночь, посвященную труду.

Мнѣ хорошо, подъ буйство бури,
При кроткомъ блескѣ ночника,
На тщательной миніатюрѣ
Чертить узоры лепестка;

Иль, не спѣша слагая главы,
И имъ не вѣдая конца,
Припоминать о жаждѣ славы,
Въ міру сжигающей сердца.

5. «NOLI ME TANGERE, MARIA».

Прошелъ печально день субботній,
Сіяетъ небо новымъ днемъ,
И въ душахъ всѣхъ безповоротнѣй
Разувѣреніе во всемъ!

Онъ говорилъ: „Какъ свѣтъ зарницы,
„Приду, и воззову на судъ...“
И вотъ лежитъ во тьмѣ гробницы,
И стражи тѣло берегутъ.

Но женщинъ души не устанутъ,
Какъ горный ключъ, струить любовь,
„Онъ обманулъ... иль былъ обманутъ...
„Но Онъ страдалъ и пролилъ кровь!“

Несутъ ко гробу ароматы,
Но пустотой зіяетъ онъ...
И тутъ же вѣетъ слухъ крылатый,
Что трупъ врагами унесенъ.

Тогда, всѣмъ горестямъ услада,
Къ Маріи сходитъ самъ Христосъ,
Но въ Немъ ей мнится сторожъ сада,—
Она къ Нему: „Не Ты ль унесъ...“

И, слыша рѣчи роковыя
Не могшей побѣдить искусъ,
„Noli me tangere, Maria!“
Ей отвѣчаетъ Іисусъ.

ВИДѢНІЯ.

1. ПОВОЛЬНИКЪ.

Здравствуй, буйная ватага, удалыхъ годовъ друзья!
Вотъ и снова я—бродяга, вотъ опять—повольникъ я!

Я въ затворахъ жилъ подолгу, выпилъ чашу рабской доли,
Но я молодъ,—видя Волгу, я могучъ—подъ вѣтромъ съ воли!

Повинуйтесь снова кличу, становитесь въ бранный кругъ!
Какъ бывало, на добычу поведу за стругомъ стругъ.

Ахъ, какъ сладки лязги сабли! какъ безсильно свищутъ пули!
Что, ударъ мой не ослабъ ли? голосъ слышенъ ли и въ гулѣ?

А теперь дѣли, что взято! всѣмъ по ровну, безъ грѣха!
Горстью мѣрь сребро и злато, а на локоть мѣрь мѣха.

Спрятавъ знатные товары, мы костеръ зажжемъ надъ плесомъ,
Будутъ звонко вторить чары нашимъ пѣснямъ стоголосымъ;

А когда луна остудитъ—волны Волги и песокъ,
Всѣмъ по очереди будетъ съ полоняночкой часокъ!

2. РУСАЛКА.

Она, свои скрывая груди
И лоно зыбкимъ тростникомъ,
На міръ, гдѣ колдовали люди,
Смотрѣла изъ рѣки тайкомъ.

Ей былъ понятенъ ихъ веселій
И ихъ заботъ вседневный строй,—
Призывъ пастушеской свирѣли,
Костеръ рыбачій подъ горой.

Она любила хороводы,
И пѣсни дѣвъ издалека,
Когда ложилась мгла на воды
И стыла темная рѣка.

А въ день осеннихъ водосвятій,
Изъ-подъ воды едва видна,
Какъ рѣчь таинственныхъ заклятій
Молитвы слушала она.

Когда же рой дѣтей, купаясь,
Шнырялъ по вспугнутой рѣкѣ,
Она звала ихъ, откликаясь
На непонятномъ языкѣ.

Но, видя проходящихъ парней,
Вечеровой порой, въ тиши,
Еще нѣжнѣй, еще коварнѣй
Смѣялась, зыбля камыши.

3 САМОУБІЙЦА.

КАРТИНА ДЛЯ СИНЕМАТОГРАФА.

Томный, стройный, строгій, грустный,
Кто ты: горецъ иль стрѣлокъ?
Мостъ согнулся неискусный
Черезъ вспѣненный потокъ.

Что такимъ пристрастьемъ тянетъ
Твой, къ водѣ склоненный, взоръ?
Схватитъ, свяжетъ и обманетъ
Волнъ излучистый узоръ.

Ты простеръ, уйти не смѣя,
Руки къ пѣнистой судьбѣ.
Но изъ пѣны Лорелея
Подымаетъ взоръ къ тебѣ.

Тихо смотритъ, тихо плачетъ,
Клонитъ голову въ вѣнкѣ,
И стыдливо горе прячетъ
Въ буйно вспѣненной рѣкѣ.

Что ты шепчешь? Кто услышитъ?
„Жизнь грустна. Грустнѣе смерть.“
На мосту пустомъ колышитъ
Вѣтеръ сломанную жердь.

4. ГОЛОСЪ МЕРТВАГО.

На зарѣ вечерней, въ траурѣ,
Ты куда спѣшишь, дѣвица?
Соловей свиститъ на яворѣ,
Мѣсяцъ въ озеро глядится.

Ты блѣдна на старомъ кладбищѣ,
Надъ моимъ крестомъ склоненномъ.
Ахъ, не здѣсь, не здѣсь свой кладъ ищи:
Кто-то ждетъ въ саду, подъ кленомъ!

Слезъ мнѣ жаль, печально тающихъ
На землѣ, на сѣромъ камнѣ!
Стань счастливой, стань сіяющей,—
Будешь болѣе вѣрна мнѣ!

Если бъ вышелъ изъ могилы я,
Праздникомъ всю жизнь я бъ сдѣлалъ,
Цѣловалъ улыбки милыя,
Только бъ счастье ласки вѣдалъ!

Что здѣсь? гробъ, да прахъ, да тлѣніе!
А кругомъ, сквозь смерть, я чую
Все веселіе весеннее,
Волю бабочекъ живую,

Радость луга, распростертаго
Подъ лучами солнца яснаго...
Помни, помни голосъ мертваго:
Лишь одно люби—прекрасное!

5. ПОБѢГЪ ПАСТУХА.

На этой ели благосклонной
Покойся, ветхая свирѣль!
Съ тобой я пѣлъ и хмѣль влюбленный,
И вечеръ, страстью опаленный,
И душу бури, и апрѣль.

Но тщетно грезы ожидали
Найти усладу въ звукахъ тѣхъ.
Они молили и рыдали,
Но въ тайнѣ думъ сіяли дали
Иныхъ скорбей, иныхъ утѣхъ.

Простите, лиліи долины!
Рѣчная зыбь! стада овецъ!
Туда, гдѣ горы-исполины,
Гдѣ гулъ лавинъ, гдѣ летъ орлиный,
Идетъ задумчивый пѣвецъ.

Гость молчаливый, безсловесный,
Вхожу, Природа, въ замокъ твой,
И буду, со скалы отвѣсной,
Въ долинѣ видѣть даръ безвѣстный:
Свирѣль на ели вѣковой.

6. СТИХИ НА ИЗРАЗЦАХЪ.

Иду скоро въ домъ свой я,
Путь мой проторенъ.
Ждетъ меня любовь моя,
Про меня ей сонъ.

Я люблю ее весьма,
Жизнь моя—любовь,
Разлучила насъ зима,
Весна сблизитъ вновь.

Свѣтло солнце по веснѣ,
Красенъ маковъ цвѣтъ.
До цвѣтовъ охота мнѣ,
Я нарву букетъ.

Къ ней приду съ букетомъ я,
Съ розой полевой,
Ей скажу: Любовь моя,
Я до гроба твой!

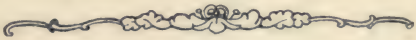
7. ЖАЛОБА ГЕРОЯ.

Насъ не много осталось отъ грознаго племени
Многомощныхъ воителей, плывшихъ подъ Трою,
И о славномъ, о страшномъ, о призрачномъ времени
Вспоминать въ наши дни какъ-то странно герою.

Агамемнонъ погибъ подъ ударомъ предательства,
Оилеевъ Аянтъ сгинулъ въ синей пучинѣ,
Теламонидъ упалъ въ черный вихрь помѣшательства,
А Патроклъ и Ахиллъ вѣчно спятъ на чужбинѣ!

Гдѣ друзья моихъ дней?—Одиссей многомысленный
Благородно дряхлѣетъ въ ничтожной Иѳакѣ,
Тевкръ бѣжалъ и покинулъ народъ свой безчисленный,
Сынъ Тидея на западѣ скрылся во мракѣ.

И когда мы порой, волей Рока, встрѣчаемся,
Мы, привыкшіе къ жизни средь малыхъ, безславныхъ,
Какъ враги, другъ на друга, грозя ополчаемся,
Чтобъ потѣшить свой духъ поединкомъ двухъ равныхъ!



8. ТРІУМФАТОРЪ.

Мое чело въ послѣдній разъ
Вѣнчалъ сегодня лавръ побѣдный,
На колесницѣ заповѣдной,
Ловя лучи на панцырь мѣдный,
Вступилъ я въ Римъ въ веселый часъ.

Народъ въ восторгѣ вылъ; друзья
Моей завидовали долѣ;
За мной влеклись цари въ неволѣ;
По Via Sacra, въ Капитолій,
Для пышныхъ жертвъ проѣхалъ я.

Но вотъ, когда, вѣнецъ клоня,
Я подступилъ къ телицѣ бѣлой—
Ножъ задрожалъ въ рукѣ умѣлой,
Какъ тайный знакъ, что отлетѣла
Богиня Нике отъ меня.

Мой взоръ на мигъ покрылся тьмой
И былъ мнѣ внятенъ голосъ бога:
„Вѣнецъ и пурпурная тога
„Довлѣетъ смертнымъ. Слишкомъ много
„Кто волитъ,—противъ вызовъ мой!“

Что жъ, подниму ль ярмо судьбы?
Нѣтъ! отъ копья лица не скрою!
Трубите трубы снова къ бою!
И пусть въ парѳянскомъ станѣ мною,
Какъ плѣннымъ, тѣшатся рабы!

ЖЕНЩИНЫ.

1. ЗАКЛИНАНІЕ.

Красный огонь, раскрутись, раскрутись!
Красный огонь, взвейся въ темную высь!
Красный огонь, раскрутись, раскрутись!

Лживую куклу, въ цѣпи золотой,
Лживую куклу пронзаю иглой,
Лживую куклу, въ цѣпи золотой!

Ликъ восковой, обращенный ко мнѣ,
Ликъ восковой оплываетъ въ огнѣ,
Ликъ восковой, обращенный ко мнѣ!

Сердце твое, не кумиръ восковой,
Сердце твое я пронзаю иглой,
Сердце твое, не кумиръ восковой!

Вся твоя жизнь, наяву, не во снѣ,
Вся твоя жизнь погибаетъ въ огнѣ,
Вся твоя жизнь, наяву, не во снѣ!

Красный огонь, раскрутись, раскрутись!
Красный огонь, взвейся въ темную высь!
Красный огонь, раскрутись, раскрутись!

2. ОЖИДАНІЕ.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Пусть воскъ прозрачный топится,
Пусть милый другъ торопится
На томъ лихомъ конѣ
Изъ странъ чужихъ ко мнѣ.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Пусть желтый воскъ не топится,
Пусть милый не торопится,
Не ждать добра ему
Въ своемъ родномъ дому.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

На груди распаленныя
Лью масла благовонныя.
Услышь ихъ ароматъ,
Лети ко мнѣ назадъ.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

На груди распаленныя
Лью масла благовонныя.
Ахъ! сквозь ночную тишь
Ихъ запахъ не прослышь!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Упавъ въ постель пуховую,
Срываю ризу новую.
Когда жъ, какъ юный богъ,
Ты станешь на порогъ?

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

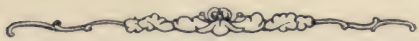
Упавъ въ постель пуховую,
Срываю ризу новую,
Но въ тайнѣ темноты
Войдешь не ты! не ты!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Пусть воскъ прозрачный топится,
Пусть милый мой торопится,
Тяну я руки въ ночь,
Мнѣ больше ждать не въ мочь!

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Пусть милый не торопится,
Пусть въ омутѣ утопится,
Не видѣть бы ему
Грѣха въ своемъ дому!



3. ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ ДѢВУШЕКЪ.

Wann wird die Stunde kommen,
Das einer mich genommen,
Und mein Braut-Bette knackt! (Volkslied.)

Сини всѣ проталины
Подъ ногой весны.
Солнцемъ мы ужалены,
Вѣтромъ мы пьяны!
Съ воздухомъ вливается
Въ насъ апрѣльскій хмель...
Скоро ль закачается
Дѣвичья постель!

Чу! поетъ надъ водами
Вешнихъ мошекъ рой.
Время—хороводами
Виться подъ горой.
Пѣснями и плясками
Время—ночь вспугнуть...
Ахъ, когда жъ подъ ласками
Поблѣднѣетъ грудь!

Словно въ церкви статуя,
Мы зимой весь день.
Скоро, лиловатая,
Зацвѣтетъ сирень,
Скоро кустъ шиповника
Будетъ весь въ цвѣтахъ...
Ахъ! когда жъ любовника
Встрѣчу я впотьмахъ!

4. УГОЛЕКЪ.

Солнца уголь кругло-красный
Бросилъ отблескъ на снѣга.
Мальчикъ скромный, мальчикъ страстный,
Я ль сурова? я ль строга?

Я—какъ этотъ мраморъ бѣлый,
Ты—въ каминѣ уголекъ.
Мальчикъ робкій, мальчикъ смѣлый,
Что жъ ты медлишь тамъ, у ногъ?

Уголь къ углю тянетъ губы,
Шепчетъ огненную рѣчь.
Мальчикъ милый!—почему бы
Тѣлу къ тѣлу не прилечь!

Шторой скроемъ окна эти,
Пусть не видитъ насъ закатъ.
Но смотри: при красномъ свѣтѣ
Груди радостнѣй дрожатъ!

Солнца уголь кругло-красный
Канетъ въ сумракъ роковой...
Уголь-мальчикъ, мальчикъ страстный,
Обожги меня собой!

5. РАЗДУМЬЕ ДѢВУШКИ.

Онъ ко мнѣ безстыдно прикоснулся...
Это было на зарѣ вечерней.
Онъ ко мнѣ безстыдно прикоснулся...
Сердце вечерами легковѣрнѣй.

Снились мнѣ всю ночь мужскія ласки,
На безгрѣшной, дѣвичьей постели.
Снились мнѣ всю ночь мужскія ласки,
И отъ ласкъ мои колѣни млѣли.

Утромъ я проснулась истомленной
Отъ неясныхъ, сладкихъ ожиданій.
Утромъ я проснулась истомленной,
И весь день глаза мои въ туманѣ.

Онъ желалъ, чтобъ вечеромъ пришла я,
(Этотъ голосъ слышу я повсюду!)
Онъ сказалъ, чтобъ вечеромъ пришла я
Вновь, въ бесѣдку липовую, къ пруду.

Можетъ быть, онъ, какъ вчера, и нынче
Мнѣ улыбкой милой улыбнется.
Можетъ быть, онъ, какъ вчера, и нынче
Вновь ко мнѣ такъ странно прикоснется!

6. НАША ТѢНЬ.

Наша тѣнь выростала въ длину тротуара,
Въ нерѣшительный часъ догоравшаго дня.
И лишь уголья тлѣли дневного пожара,
Въ отдаленьи, за нами—безъ силъ, безъ огня.

Наша тѣнь подымалась на стѣны строеній,
То кивала съ простѣнковъ, то падала вновь,
И ловила мои утомленныя пени,—
Что костеръ догорѣлъ, что померкла любовь.

Засвѣтились огни; наша тѣнь почернѣла;
Отбѣгала назадъ и росла впереди,
Угадала, какъ я прошептала несмѣло:
„Если больше не любишь, такъ что жъ,— уходи!“

Ослѣпилъ насъ фонарь сине-газовымъ свѣтомъ,
И, растаявъ внезапно у ногъ безъ слѣда,
Наша тѣнь засмѣялась надъ тихимъ отвѣтомъ,
Надъ нежданнымъ отвѣтомъ: „Прощай навсегда!“

7. ВЪ ТОМЪ ЖЕ ПАРКѢ.

Здравствуй, листикъ, тихо падающій,
Словно легкій мотылекъ!
Здравствуй, здравствуй, грустью радующій,
Предосенній вѣтерокъ!

Нѣжно гаснетъ блѣдно-палевая,
Вечерѣющая даль.
Словно въ лодочкѣ отчаливая,
Уношусь въ мою печаль.

Ясно гаснетъ отуманенная
Заводь соннаго пруда,
Сердце, словно птица раненая,
Такъ же бьется какъ тогда.

Здѣсь, вотъ здѣсь въ стыдливой длительности
Слили мы уста въ уста.
Какъ же нѣтъ былой дѣйствительности?
Онъ не тотъ? иль я не та?

Выхожу въ аллею липовую,
Гдѣ сказалъ онъ мнѣ: я твой!..
И не плачу, только всхлипываю,
Шелестя сухой листвой.

Но не длить мечту застѣнчивую
Въ старый паркъ пришла я вновь:
Тихой грустью я увѣнчиваю
Опочившую любовь!

ВЪ ГОРОДѢ.

I. ГОЛОСЪ ГОРОДА.

ТЕРЦИНЫ.

Когда я, ночью, утомленъ, иду
Пустынной улицей, и стѣны сонны,
И фонари не говорятъ въ бреду,

И призраки ко мнѣ не благосклонны,—
Въ тиши холодной слышится порой
Мнѣ голосъ города, зовъ непреклонный:

„Ты, озабоченъ, здѣсь спѣшишь. Другой—
„На ложѣ ласкъ, въ смѣшномъ порывѣ, выгнутъ.
„Въ притонѣ третій скорченъ за игрой.

„Но живъ—лишь я, и, вами не постигнутъ,
„Смотрю, какъ царь, въ безмолвіе ночей.
„Ты думаешь, что вами я воздвигнутъ?

„Нѣтъ! люди—атомы въ крови моей,
„И, тѣла моего живыя клѣтки,
„Дома—тяну я въ глубину полей.

„Какъ птицамъ лѣсъ даритъ весною вѣтки,
„Свое богатство отдаю вамъ я,
„Но раньше имъ владѣли ваши предки.

„Не равны мы на скалѣ бытія:
„Вамъ жить—года, а мнѣ—ряды столѣтій!
„Шумя, тѣснится городовъ семья.

„Когда жъ и я свершу свой подвигъ, дѣти,
„Не вамъ я завѣщаю пышный прахъ,
„Все, что хранятъ ревниво зданья эти.

„Есть братья у меня въ иныхъ краяхъ:
„Мои богатства, какъ изъ нѣдръ могильныхъ,
„Пусть вырвутъ, и замкнутъ въ своихъ стѣнахъ,

„И надъ людьми смѣются смѣхомъ сильныхъ!“

2. ГОРОДУ.

ДИѲИРАМБЪ.

Царя властительно надъ доломъ,
Огни вонзая въ небосклонъ,
Ты трубъ фабричныхъ частоколомъ
Неумолимо окруженъ.

Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сѣтями проволокъ обвитъ,
Ты—чарователь неустанный,
Ты—не слабѣющій магнитъ.

Дракономъ, хищнымъ и безкрылымъ,
Засѣвъ,—ты стережешь года,
А по твоимъ желѣзнымъ жиламъ
Струится газъ, бѣжитъ вода.

Твоя безмѣрная утроба
Вѣковъ добычей не сыта,—
Въ ней неумолчно ропщетъ Злоба,
Въ ней грозно стонетъ Нищета.

Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы изъ золота воздвигъ,
Поставилъ праздничные храмы
Для женщинъ, для картинъ, для книгъ;

Но самъ скликаешь, непокорный,
На штурмъ своихъ дворцовъ—орду,
И шлешь вождей на митингъ черный:
Безумье, Гордость и Нужду!

И въ ночь, когда въ хрустальныхъ залахъ
Хохочетъ огненный Развратъ,
И нѣжно пѣнится въ бокалахъ
Мгновеній сладострастныхъ ядъ,—

Ты гнешь рабовъ угрюмыхъ спины,
Чтобъ, изступленны и легки,
Ротаціонныя машины
Ковали острые клинки.

Коварный змѣй, съ волшебнымъ взглядомъ!
Въ порывѣ ярости слѣпой,
Ты ножъ, съ своимъ смертельнымъ ядомъ,
Самъ подымаешь надъ собой.

3. БАЛЪ.

Невѣрная, обманчивая ясность
Искусственнаго свѣта,
И музыки томительная страстность,—
Зовъ безъ отвѣта.

Мельканье плечъ, причесокъ, аксельбантовъ,
Цвѣтовъ и линій,
И въ этомъ морѣ—вспышки брилліантовъ,
Изъ глуби синей.

И тихій лепетъ, трепетъ волнъ безвольныхъ,
Кружащихъ пары,
Порою словно звоновъ колокольныхъ
Святыя чары.

И тѣла къ тѣлу близость, приближенье,
Ядъ аромата,
Забвенье, и круженье, и движенье,
Вдаль, безъ возврата.

И нити, чары дряхлаго соблазна,
Съ лицомъ змѣинымъ,
Что̀ вяжутъ, вяжутъ души неотвязно,
Какъ серпантиномъ...

4. УЛИЧНАЯ.

Свищетъ въ полъ-голоса аріи,
Блескомъ и шумомъ пьяна,
Здѣсь на ночномъ тротуарѣ,
Вольная птица она!

Дѣтски балуется съ локономъ,
Вьющимся дерзко къ глазамъ,
То вдругъ наклонится къ окнамъ,
Смотритъ на радужный хламъ.

Вотъ улыбнулась знакомому
Всѣмъ ожерельемъ зубовъ!
Вотъ, подмигнувъ молодому,
Бросила нѣсколько словъ.

Кто-то кивнулъ необдуманно,
Къ ней наклонился,—и вотъ
Вмѣстѣ смѣется онъ шумно,
Рядомъ, волнуясь, идетъ.

Словно громадное зеркало
Ихъ отразило окно,
И отраженье померкло
Канувъ на темное дно.

5. ВЕЧЕРНІЙ ПРИЛИВЪ.

Кричатъ афиши, пышно-пестрыя,
И стонутъ вывѣсокъ слова,
И магазиновъ свѣты острые
Язвятъ, какъ вопли торжества.

Тамъ спятъ за стеклами матеріи,
Льютъ брилліанты яркій ядъ,
И надъ звѣздой червонцевъ—серіи
Сіяньемъ сѣвернымъ горятъ.

Прорѣзанъ длинными колодцами
Горящихъ улицъ,—городъ живъ.
Киша безсчетными уродцами,
Вечерній празднуетъ приливъ.

Скрывъ небеса съ звѣздами чуткими,
Лучи синѣютъ фонарей—
Надъ мудрецами, проститутками,
Надъ зыбью пляшущихъ людей.

Кадрилей нарушая линіи,
Межъ паръ кружащихся—звеня,
Трамваи мечутъ молньи синія,
Автомобили—снопъ огня.

Позоръ, подъ музыку колесную,
Вознесъ смычекъ, какъ дирижеръ,
И слилъ толпу многоголосную
Въ единый и священный хоръ:

„Мы славимъ, Прахъ, Твое Величество,
Тебѣ ведемъ мы хороводъ,
Вкругъ алтарей изъ электричества,
Вонзившихъ копья въ небосводъ!“

IV.

ОДЫ И ПОСЛАНІЯ.

ХВАЛА ЧЕЛОВѢКУ.

Молодой морякъ вселенной,
Міра древній дровосѣкъ,
Неуклонный, неизмѣнный.
Будь прославленъ, Человѣкъ!

По глухимъ тропамъ столѣтій
Ты проходишь съ топоромъ,
Цѣлишь лукомъ, ставишь сѣти,
Торжествуешь надъ врагомъ!

Камни, вѣтеръ, воду, пламя
Ты смирилъ своей уздой,
Взвилъ ликующее знамя
Прямо въ куполъ голубой.

Вѣчно властенъ, вѣчно молодъ,
Въ странахъ Сумрака и Льда,
Пѣть заставилъ вѣщій молотъ,
Залилъ блескомъ города.

Сквозь пустыню и надъ бездной
Ты провелъ свои пути,
Чтобъ не рвущейся, желѣзной
Нитью землю оплести.

Въ древнихъ, вольныхъ Океанахъ,
Гдѣ играли лишь киты,
На стальныхъ левіаѳанахъ
Пробѣжалъ державно ты.

Змѣя, жалившаго жадно
Съ неба выступы дубовъ,
Изловилъ ты, безпощадно,
Неустанный звѣроловъ.

И шипя подъ хрупкимъ шаромъ,
И въ стеклѣ согнутъ въ дугу,
Онъ теперь, покорный чарамъ,
Свѣтитъ хитрому врагу.

Царь несытый и упрямый
Четырехъ подлунныхъ царствъ,
Не стыдясь, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварствъ;—

Но, отважный, со стихіей
Послѣ бьешься съ грудью грудь,
Чтобъ еще надъ новой выей
Петлю рабства захлестнуть.

Вѣрю, дерзкій! ты поставишь
Надъ землей ряды вѣтрилъ.
Ты по прихоти направишь
Бѣгъ въ пространствѣ, межъ свѣтилъ.

И насельники вселенной,
Тѣ, чей путь ты пересѣкъ,
Повторятъ привѣтъ священный:
Будь прославленъ, Человѣкъ!

ПРАВДА ВѢЧНАЯ КУМИРОВЪ.

1. ОРЫ.

Устремивъ другъ къ другу взоры,
Въ пляскѣ двигаясь впередъ,
Вы ведете—оры! оры!—
Свой священный хороводъ.

Въ ночь глухую—слухъ склоненный
Къ безотвѣтной безднѣ сновъ,
Слышитъ топотъ потаенный
Вашихъ маленькихъ шаговъ.

Солнце встанетъ, снова канетъ
Въ неизбѣжность новый день.
Ваша пляска не устанетъ
Обгонять и свѣтъ и тѣнь.

Мы, дыша мечтой блаженной,
Сномъ работы, ядомъ книгъ,
Въ душной кузницѣ вселенной
Всѣ куемъ за мигомъ мигъ.

И, скользя тропой столѣтій,
Мимо жизни, мимо насъ,
Ловко ловите вы въ сѣти
Каждый выкованный часъ.

Стойте! стойте! на мгновенье
Дайте бездну оглянуть!
—Плавны легкія движенья
Дѣвъ, свершающихъ свой путь!

Въ нихъ безвольность, въ нихъ безпечность,
Взоръ ихъ благостенъ и тихъ!
Что жъ? онѣ ль пропляшутъ вѣчность,
Иль Она—поглотитъ ихъ?

2. ГЕСПЕРИДОВЫ САДЫ.

Гдѣ-то есть, за темной далью
Грозно зыблемой воды,
Берегъ вѣчнаго веселья,
Незнакомые съ печалью
Гесперидовы сады.

Жизнь отдай во власть теченья,
И оно прибьетъ твой челнъ
Тамъ, гдѣ, словно ожерелья,
Многоцвѣтныя каменья
Поднялись надъ пѣной волнъ.

Дѣвы, благостно нагія,
Опустивъ къ землѣ глаза,
Встрѣтятъ странника, какъ друга,
Уведутъ тебя въ густые,
Свѣтлоствольные лѣса.

Тамъ, гдѣ клонитъ тиховѣйно
Вѣтви древнія платанъ,
Заслоняя солнце юга,—
Въ голубыхъ струяхъ бассейна
Ты омоешь язвы ранъ.

Юный, сильный и веселый,
Ты вплетешься въ хороводъ,
Чтобы въ пѣсняхъ вѣковѣчныхъ
Славить море, славить долы
И глубокій небосводъ.

Освѣживъ, въ тѣни утеса,
Грудь изъ мраморныхъ цистернъ,
Ты, въ рядахъ друзей безпечныхъ,
Вновь помчишься вдоль откоса,
Обгоняя легкихъ сернъ.

Ты межъ лицъ, мелькнувшихъ въ пляскѣ,
Нѣжно выберешь лицо;
И тебѣ—рукопожатье,
Съ обѣщаньемъ сладкой ласки,
Передастъ, таясь, кольцо.

Встанетъ сумракъ. Изъ бокала
Брызнетъ нектаръ золотой.
Въ чьи-то жданныя объятья,
И покорно и устало,
Ты поникнешь головой.

3. ДЕДАЛЪ И ИКАРЪ.

ДЕДАЛЪ.

Мой сынъ! мой сынъ! Будь остороженъ.
Спокойнѣй крылья напрягай.
Подъ вѣтромъ путь нашъ ненадеженъ,
Сырыхъ тумановъ избѣгай.

ИКАРЪ.

Отецъ! ты далъ душѣ свободу,
Ты узы тѣла разрѣшилъ.
Что жъ медлимъ? выше! къ небосводу!
До вѣчной области свѣтилъ!

ДЕДАЛЪ.

Мой сынъ! Мы вырвались изъ плѣна,
Но пристань наша далека:
Подъ нами,—гривистая пѣна,
Надъ нами рѣютъ облака...

ИКАРЪ.

Отецъ! Что облака! Что море!
Удѣлъ нашъ—воля мощныхъ птицъ:
Взлетать на радостномъ просторѣ,
Метаться въ даляхъ безъ границъ!

ДЕДАЛЪ.

Мой сынъ! Лети за мною слѣдомъ,
И вѣрь въ мой зрѣлый, зоркій умъ.
Мнѣ одному надъ моремъ вѣдомъ
Воздушный путь до бѣлыхъ Кумъ.

ИКАРЪ.

Отецъ! Кчему теперь дороги!
Спѣши насытить счастьемъ грудь!
Вторично не позволятъ боги
До сферъ небесныхъ досягнуть!

ДЕДАЛЪ.

Мой сынъ! Не я ль уборъ пернатый
Самъ прикрѣпилъ къ плечамъ твоимъ?
Взлетимъ мы дважды, и трикраты,
И сколько разъ ни захотимъ!

ИКАРЪ.

Отецъ Сдержать порывъ нѣтъ силы!
Я опьянѣлъ! я глухъ! я слѣпъ!
Взлетаю въ высь, какъ въ глубь могилы,
Бросаюсь къ солнцу, какъ въ Эребъ!

ДЕДАЛЪ.

Мой сынъ! мой сынъ! Лети срединой,
Межъ первымъ небомъ и землей...
Но онъ—надъ стаей журавлиной,
Но онъ—въ пучинѣ золотой!

О юноша! презрѣвъ земное,
Къ орбитѣ солнца взнесся ты.
Но крылья растопились въ зноѣ,
И въ море, вѣчно голубое,
Безумецъ рухнулъ съ высоты.

4. ОДИССЕЙ.

Пѣвцами всей земли прославленъ,
Я,—хитроумный Одиссей,
Но духъ мой теменъ и отравленъ,
И въ памяти гнѣздится змѣй.

Я помню день—какъ щитъ лазурный,
И зелень водъ и бѣлость пѣнъ,
Когда стремилъ насъ вѣтръ безбурный
Къ нагому острову сиренъ.

Ихъ угадавъ на камнѣ плоскомъ,
И различивъ прибрежный гулъ,—
Въ рукахъ согрѣтымъ, мягкимъ воскомъ
Я слухъ товарищей замкнулъ.

Себя же къ мачтѣ корабельной
Я далъ покорно привязать,
Чтобъ пѣсни лирной и свирѣльной
Соблазнъ опасный испытать.

И все мечта предугадала!
Когда, въ тиши морскихъ пустынь,
Вонзая сладостныя жала,
Пѣснь разлилась полубогинь,—

Вдругъ уязвленный мукой страстной,
Съ одной мечтой—спѣшитъ на зовъ,
Изъ тѣсныхъ узъ рвался напрасно
Я, доброволецъ межъ рабовъ!

И нашъ корабль пронесся мимо,
Сирены скрылись вдалекѣ,
Ихъ чаръ избѣгъ я невредимо...
Но нѣтъ конца моей тоскѣ!

Зачѣмъ я былъ спокойно-мудрымъ,
Провидѣлъ тайны водъ сѣдыхъ,
Не вышелъ къ дѣвамъ темнокудрымъ
И не погибъ въ объятьяхъ ихъ!

Чтобъ вновь извѣдать той отравы,
Вернуть событій колесо,
Я отдалъ бы и гимны славы,
И честь, и ложе Калипсо!

5. ЭНЕЙ.

Къ встающимъ башнямъ Карѳагена
Нептуна гнѣвомъ приведенъ,
Я въ узахъ сладостнаго плѣна
Дни проводилъ какъ дивный сонъ.

Ахъ, если боги дали счастье
Земнымъ созданіямъ въ удѣлъ,
Въ тѣ дни любви и сладострастья
Я этой тайной овладѣлъ!

И быть всю жизнь въ такой неволѣ,—
Царицы радостнымъ рабомъ,—
Душѣ казалось лучшей долей
И всѣхъ былыхъ трудовъ вѣнцомъ!

И ночь была надъ соннымъ градомъ...
Былъ выпитъ пламенный фіалъ...
Въ тиши дворца, съ царицей рядомъ,
На ложѣ царскомъ я дремалъ.

Еще я помнилъ вздохи, стоны,
Весь нашъ порывъ,—въ неясномъ снѣ,
И грудь горячая Дидоны
Все льнула трепетно ко мнѣ...

И вотъ—внезапный свѣтъ сквозь тѣни,
И шелестъ окрыленныхъ ногъ.
Надъ ложемъ сумрачнымъ—Цилленій
Склоняетъ посохъ, вѣстникъ-богъ.

„Внемли",—вѣщаетъ,—„сынъ богини!
„Ты медлишь, но не медлитъ Рокъ!
„Ты избранъ былъ хранить святыни,
„И подвигъ твой, въ вѣкахъ, высокъ.

„Земная страсть да спитъ въ героѣ!
„Тебѣ ль искать ливійскихъ нѣгъ,
„Когда ты призванъ—Новой Трои
„Взрастить торжественный побѣгъ?

„Узнай глаголы Громовержца:
„Величью покорись, плыви
„Къ предѣламъ Итала,—изъ сердца
„Исторгнувъ помыслы любви!"

Видѣнье скрылось, какъ зарница,
И голосъ замеръ, какъ мечта.
Сквозь сонъ, открывъ глаза, царица
Ко мнѣ приподняла уста...

Но я, безумный, съ ложа прянулъ,
Я отвратилъ во тьму глаза.
И утромъ трубный голосъ грянулъ
И флотъ нашъ поднялъ паруса.

ПРИВѢТСТВІЯ.

1. КЪ МѢДНОМУ ВСАДНИКУ.

Въ морозномъ туманѣ бѣлѣетъ Исакій.
На глыбѣ оснѣженной высится Петръ.
И люди проходятъ въ дневномъ полумракѣ,
Какъ будто предъ нимъ выступая на смотръ.

Ты такъ же стоялъ здѣсь, обрызганъ и въ пѣнѣ,
Надъ темной равниной взмутившихся волнъ;
И тщетно грозилъ тебѣ бѣдный Евгеній,
Охваченъ безуміемъ, яростью полнъ.

Стоялъ ты, когда между криковъ и гула,
Покинутой рати ложились тѣла,
Чья кровь на снѣгахъ продымилась, блеснула,
И полюсъ земной растопить не могла.

Смѣняясь, шумѣли вокругъ поколѣнья,
Вставали дома, какъ посѣвы твои...
Твой конь попиралъ съ безпощадностью звенья
Безсильно подъ нимъ изогнутой змѣи.

Но сѣверный городъ—какъ призракъ туманный,
Мы, люди, проходимъ, какъ тѣни во снѣ.
Лишь ты сквозь вѣка, неизмѣнный, вѣнчанный,
Съ рукою простертой летишь на конѣ.

Петербургъ, 1905.

2. КАРЛЪ XII.

ПАМЯТНИКЪ ВЪ СТОКГОЛЬМѢ.

Ты въ древнихъ сагахъ былъ предсказанъ,
Послѣдній викингъ, вождь-герой!
Мечтой вѣковъ миропомазанъ
За Сѣверъ на смертельный бой!

Ты принялъ безпощадный вызовъ,
Повѣривъ въ помощь тайныхъ силъ,
Свой подвигъ, сана не унизивъ,
Какъ Рыцарь Полюса свершилъ.

И пусть, обманутъ зовомъ славы,
Ты дерзко жребіи металъ,
Пусть на пустыхъ поляхъ Полтавы
Судьбу столѣтій проигралъ,—

Но сны завѣтные народа
Въ тебѣ свой образъ обрѣли,
Сны духовидца, морехода,
Завоевателя земли!

Стоишь ты, призракъ древней саги,
Въ своей столицѣ надъ толпой
И вдохновеннымъ взмахомъ шпаги,
Какъ прежде, манишь за собой.

Мнѣ, гостю съ вражьяго Востока,
Склониться предъ тобой дозволь,
Игрокъ безумный въ кости Рока,
Вѣнчанный Полюсомъ король!

Stockholm, 1906.

3. КЪ СОБОРУ КЭМПЕРА.

Я былъ разорванъ мукой страстной,
Язвимъ извилистой тоской,
Когда, безмѣрный, но безгласный,
Во тьмѣ ты выросъ предо мной.

Созданье канувшихъ столѣтій!
Вонзая въ небо двѣ иглы,
Ты всталъ при тихомъ, звѣздномъ свѣтѣ,
Какъ властелинъ надземной мглы.

Моимъ мечтамъ, всегда тревожнымъ,
Моей безсильной волѣ—ты
Сказалъ безъ словъ о невозможномъ
Сліяньи силы и мечты!

Меня сдавилъ ты, неотступный,
Всей тяжестью былыхъ временъ,
И былъ я, жалкій и преступный,
Твоимъ величьемъ обличенъ.

И вотъ—бродяга безымянный
На темной площади поникъ
Передъ тобой, старикъ вѣнчанный,
Какъ предъ Изидой ученикъ.

Quimper, 1908.

4. ОПЯТЬ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Опять встрѣчаю съ дрожью прежней,
Венеція, твой пышный прахъ!
Онъ величавѣй, безмятежнѣй
Всего, что создано въ вѣкахъ!

Что̀ нашихъ робкихъ дерзновеній
Полетъ, лишенный крыльевъ! Здѣсь
Посмѣлъ желать народный геній
И замыслъ свой исчерпать весь.

Гдѣ грезятъ древнія палаты,
Являя мраморные сны,
Не горько вспомнить мнѣ не сжатый
Посѣвъ моей былой весны,

И надъ руиной Кампаниле,
Вѣнчавшей прежде обликъ твой,
О всемъ прекрасномъ, что въ могилѣ,
Мечтать съ поникшей головой.

Пусть гибнетъ все, въ чемъ время вольно,
И въ краткой жизни и въ вѣкахъ!
Я вновь цѣлую богомольно
Венеціи безсмертный прахъ!

Venezia, 1908

5. НА ФОРУМѢ.

Не какъ пришлецъ на римскій форумъ
Я приходилъ—въ страну могилъ,
Но какъ въ знакомый міръ, съ которымъ
Одной душой когда-то жилъ.

И, какъ во снѣ родныя тѣни,
Встрѣчалъ я съ радостной тоской
Базиликъ рухнувшихъ ступени
И плиты древней мостовой.

А надо мною,—какъ вершина
Великихъ, пройденныхъ вѣковъ,
Вѣнчали арки Константина
Руину храмовъ и дворцовъ.

Дорогъ строитель чудотворный,
Народъ Траяна! Твой завѣтъ,
Спокойный, строгій и упорный,
Въ гранитъ и мраморъ здѣсь одѣтъ.

Твоихъ развалинъ камень каждый
Напоминаетъ мнѣ—вести
Къ метѣ, намѣченной однажды,
Среди пустынь свои пути.

Roma. 1908

6. НАДЪ ОКЕАНОМЪ.

I. ОТЛИВЪ.

Волной, какъ щупальцемъ огромнымъ,
Ты осязаешь землю. Ночь
Темнѣетъ надъ тобою, темнымъ.
Но ты, съ лобзаньемъ скорбно-скромнымъ,
Отъ смуглыхъ скалъ отходишь прочь.

Громадный, страшный, всемогущій!
Ты кроешь грозный видъ лица.
Отъ вѣка и до нынѣ сущій,
Ты, этой ночью, бардъ, поющій
О тихой сладости конца.

Я вижу: древніе граниты
Разбиты ревностью твоей.
Я знаю: пьяный и сердитый,
Ты мечешь каменныя плиты,
Какъ рѣчка груду голышей.

Но зовъ отлива полонъ ласки,
Сквозь сумракъ манитъ и томитъ,
И я готовъ, повѣривъ сказкѣ,
Бѣжать къ тебѣ, вмѣшаться въ пляски
Твоихъ безсмертныхъ нереидъ.

II. ПРИЛИВЪ.

Пробилъ часъ. Ты вновь безволенъ,
Вновь, взыгравъ, бѣжишь къ землѣ.
Обезличенъ, обездоленъ,
Безпощадной страстью боленъ,
Тяжкой грудью льнешь къ скалѣ.

Что̀ ты хочешь, дикій, пьяный,
Лаской бѣшеныхъ зыбей?
Что̀ крутишь песокъ багряный?
Что̀ вонзаешь зубы въ раны
Ты—возлюбленной своей?

Громоздя на стѣны стѣны,
Рушишь ты за валомъ валъ.
Но всегда страшась измѣны,
Покрываломъ бѣлой пѣны
Кроешь плечи смуглыхъ скалъ.

Поспѣшивъ, съ протяжнымъ ревомъ,
Въ ихъ объятья вновь упасть,
Ты встаешь, съ усильемъ новымъ,
Все несытымъ, все готовымъ
Утолять глухую страсть.

Стой! Безъ силъ и безъ движенья
Вся земля—какъ трупъ нѣмой.
Что жъ ты, въ буйствѣ вожделѣнья,
Мечешь ей въ лицо каменья
И крушишь ее собой!

Saint-Jean-de-Luz, 1908.

СОВРЕМЕННОСТЬ.

1. СЛУЖИТЕЛЮ МУЗЪ.

Свой хоръ завѣтный водятъ музы
Вдали отъ дольныхъ золъ и бѣдъ.
Но ты родныя Сиракузы
Люби, какъ древле Архимедъ!

Когда бросаетъ ярость вѣтра
Въ лицо намъ вражьи знамена,—
Сломай свой циркуль геометра,
Прими доспѣхъ на рамена!

И если врагъ, пятой надменной,
На грудь страны поникшей сталъ,—
Забудь о таинствахъ вселенной,
Поспѣшно отточи кинжалъ!

Священны миги роковые,
Въ порывѣ гнѣва тайна есть,
И ликъ склоняетъ Уранія,
Когда встаетъ и кличетъ месть!

Пусть боги смотрятъ безучастно
На скорбь земли: ихъ вѣченъ вѣкъ.
Но только страстное прекрасно
Въ тебѣ, мгновенный человѣкъ!

1905.

2. ФЛОРЕАЛЬ 3 ГОДА.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Отзвенѣли дни зимы.
Вновь лазурью дышимъ мы,
Сердцу сердца снова жаль, —
Манитъ сладкій флореаль!
Выходи, желанный другъ,
За фіалками на лугъ.

ДРУГОЙ.

Въ черной бурѣ нашихъ дней
Быть намъ вспышками огней!
Намъ во вражескихъ рядахъ
Сѣять смерть и сѣять страхъ!
Кратки сроки, трудъ великъ,
Стоитъ вѣка каждый мигъ!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Ахъ! не жизнь ли коротка?
Ломокъ стебель василька;
Какъ волна, невѣренъ день...
Тамъ, гдѣ ива клонитъ тѣнь,
Мы, сокрытые вдвоемъ,
Губы юныя сомкнетъ!

ДРУГОЙ.

Новый міръ—какъ страшный сонъ—
Предъ столѣтьями зажженъ!
Дубъ и кедръ съ высокихъ горъ
Повергаемъ мы въ костеръ!
Словно углю, дай и мнѣ
Вспыхнуть въ яростномъ огнѣ!

1906.

3. ДУХЪ ЗЕМЛИ.

Schreckliches Gesicht!
Goethe.

Въ порывѣ скорби и отваги,
Тебя, о мощный Духъ Земли,
Мы, какъ неопытные маги,
Неосторожно закляли.

Ты всталъ, громаденъ и ужасенъ,
На гордый зовъ, на дерзкій кликъ,
Такъ ослѣпительно прекрасенъ
И такъ чудовищно великъ!

Ступилъ,—и рухнули громады
Хранимыхъ робко городовъ;
Дохнулъ на толпы, безъ пощады,—
И смелъ безумныхъ гордецовъ.

Ты наше маленькое знамя
Вознесъ безжалостной рукой,
Чтобъ съ нимъ, подъ громъ, скрутилось пламя,
Въ полетѣ тучи грозовой.

Ты озарилъ намъ глубь столѣтій,
И тамъ, за дымомъ и огнемъ,
Открылось нѣчто въ рдяномъ свѣтѣ,
Какъ странный сонъ въ краю иномъ.

И вотъ, отпрянувъ, мы трепещемъ,
Заклятья повторяя вслухъ:
Да остановимъ, словомъ вѣщимъ,
Тебя,—неукротимый Духъ!

1907.

4. НАШЪ ДЕМОНЪ.

Ἁπάντι δαίμων ἀνδρί.
Μένανδρος.

У каждаго свой тайный демонъ.
Влечетъ неумолимо онъ
Наполеона черезъ Нѣманъ
И Цезаря чрезъ Рубиконъ.

Не демонъ ли тебѣ, Россія,
Пути указывалъ въ быломъ,—
На берегъ Сити въ дни Батыя,
На берегъ Дона при Донскомъ?

Не онъ ли велъ Петра къ Полтавѣ,
Чтобъ вывести къ струямъ Невы,
И дни Тильзита, дни безславій,
Затмилъ пыланіемъ Москвы?

Куда жъ теперь, отъ скалъ Цусимы,
Отъ ужаса декабрьскихъ дней,
Ты насъ влечешь, неодолимый?
Не видно вѣхъ, и нѣтъ путей.

Гдѣ ты, нашъ демонъ? Или бросилъ
Ты ввѣренный тебѣ народъ,
Какъ моряка безъ мачтъ и веселъ,
Какъ путника въ глуши болотъ?

Явись въ лучахъ, какъ стражъ Господень,
Иль встань какъ призракъ гробовой,
Но дай намъ знакъ, что не безплоденъ
Столѣтій подвигъ роковой!

1908.

5. КОМУ-ТО.

Фарманъ, иль Райтъ, иль кто бъ ты ни былъ!
Спѣши! насталъ послѣдній часъ!
Корабль исканій въ гавань прибылъ,
Просторы неба манятъ насъ!

Надъ поколѣніемъ пропѣла
Свой вызовъ пламенная мѣдь,
Давая знакъ, что косность тѣла
Намъ должно волей одолѣть.

Нашъ вѣкъ вновь въ Дéдала повѣрилъ,
Его суровый ликъ вознесъ,
И мертвымъ циркулемъ измѣрилъ
Возможность невозможныхъ грезъ.

Осуществители, мы смѣемъ
Ловить пророчества въ быломъ,
Мы зерна древнія лелѣемъ,
Мы урожай столѣтій жнемъ.

Такъ! мы исполнимъ завѣщанье
Великихъ предковъ. Шаръ земной
Мы полно примемъ въ обладанье,
Гордясь короной четверной.

Пусть, торжествуя, вихрь могучій
Взрѣзаютъ крылья корабля,
А тамъ, внизу, въ прорывахъ тучи,
Синѣетъ и скользитъ земля!

Brest, 1908.

ПОСЛАНІЯ.

1. М. А. ВРУБЕЛЮ.

Отъ жизни лживой и извѣстной
Твоя мечта тебя влечетъ
Въ просторъ лазурности небесной
Иль въ глубину сапфирныхъ водъ.

Намъ недоступны, намъ незримы,
Межъ сонмовъ вопіющихъ силъ,
Къ тебѣ нисходятъ серафимы,
Въ сіяньи многоцвѣтныхъ крылъ.

Изъ теремовъ страны хрустальной,—
Покорны сказочной судьбѣ,
Глядятъ, лукаво и печально,
Наяды, вѣрныя тебѣ.

И въ часъ на огненномъ закатѣ,
Межъ горъ предвѣчныхъ видѣлъ ты,
Какъ духъ величій и проклятій
Упалъ въ провалы съ высоты.

И тамъ, въ торжественной пустынѣ,
Лишь ты постигнулъ до конца—
Простертыхъ крыльевъ блескъ павлиній
И скорбь эдемскаго лица!

2. З. Н. ГИППІУСЪ.

Твои стихи поютъ какъ звучный
Въ лѣсу стремящійся ручей;
Съ нимъ незабудки неразлучны
И тѣни зыбкія вѣтвей.

Порой, при мѣсяцѣ, глядится
Въ него косматый лѣсовикъ,
И въ немъ давно купать копытца
Чертенокъ маленькій привыкъ.

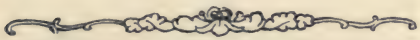
Однажды въ годъ, въ святой Сочельникъ,
Сіяетъ Ангелъ надо льдомъ,
И скачутъ зайцы черезъ ельникъ,
Испуганы живымъ лучомъ.

Не всѣмъ, быть можетъ, внятенъ ропотъ
Въ лѣсу звенящихъ, тихихъ струй:
Ихъ заглушаетъ жизни топотъ,
Крикъ битвы, страстный поцѣлуй.

Но въ вѣчныхъ даляхъ не устанетъ
Земля—чертить круги орбитъ,
И много пѣсенъ въ бездну канетъ,
И много шумовъ отзвучитъ.

И новымъ людямъ, въ жизни новой,
Какъ нынче, ясенъ и пѣвучъ,
Все будетъ пѣть, за мглой еловой,
Твоихъ стиховъ безсмертный ключъ!

И будетъ лѣсовикъ, какъ прежде,
Глядѣться въ зеркалѣ его,
И Ангелъ, въ пламенной одеждѣ,
Надъ нимъ сіять подъ Рождество!



3. АНДРЕЮ БѢЛОМУ.

Насъ не призвалъ посланникъ Божій,
Въ свой часъ, какъ братьевъ, отъ сѣтей,
И долго были непохожи
Изгибы нашихъ двухъ путей.

Ты былъ, безуміемъ и вѣрой,
На высь Ѳавора возведенъ;
Какъ Данте, яростной пантерой,
Былъ загнанъ я на горный склонъ.

Но на высотахъ, у стремнины,
Смутясь, мы встрѣтились съ тобой.
Со мною былъ—мой жезлъ змѣиный,
Съ тобой—твой посохъ костяной.

И въ темный путь пошли мы рядомъ...
Но кто-то третій близко былъ.
Палящей страстью, жгучимъ ядомъ,
Онъ нашу душу опалилъ.

И,—помню,—кроя въ сердцѣ муку,
Какъ смертный, впившійся кинжалъ,
Братоубійственную руку
Я на поэта подымалъ...

И что жъ! на пламени сомнѣнья,
Что̀ злобно зыблила вражда,
Сковались тайной цѣпи звенья,
Насъ съединившей навсегда.

Я, въ миги страшные, измѣрилъ
Твоихъ безумій правоту,
И ты, восторженный, повѣрилъ
Въ мою спокойную мечту.

Пойдемъ ли дальше въ путь единый,
Иль каждому—удѣлъ иной,
Тебѣ дарю я жезлъ змѣиный,
Беру твой посохъ костяной.

День ярко гаснетъ на откосахъ,
Клубится сумракъ по землѣ.
Да будетъ мнѣ твой бѣлый посохъ
Путеводителемъ во мглѣ!

4. М. А. КУЗМИНУ.

АКРОСТИХЪ.

Мгновенья льются, какъ потокъ безсмѣнный,
Искусство—радугой виситъ надъ нимъ.
Храни, храни, подъ вѣтромъ міровымъ,
Алтарь своей мечты, огонь священный!

И пусть твой стихъ, и пламенный и плѣнный,
Любовь и радость славитъ. Мы спѣшимъ
Улыбчивымъ созданіямъ твоимъ,
Какъ божествамъ, сплести вѣнокъ смиренный.

Умолкли шумы дня. Еще размѣрнѣй
Звучитъ твой свѣтлый гимнъ въ тиши вечерней,
Мелькаютъ лики, вызваны тобой.

И мы, о мистагогъ, передъ святыней
Невольно клонимся,—и къ тверди синей,
Увѣнчанъ, ты возносишь факелъ свой.

5. РАВНОМУ.

ОТВѢТЪ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ.

Не бойся ѣдкихъ осужденій,
Но упоительныхъ похвалъ.

Е. Баратынскій.

Нѣтъ, не бойся словъ враждебныхъ,
Вольныхъ вызововъ къ борьбѣ,
Въ гулѣ выкриковъ хвалебныхъ,
Въ царство грезъ твоихъ волшебныхъ,
Вдругъ домчавшихся къ тебѣ!

Хорошо, что въ нашемъ мірѣ
Есть, кого въ борьбу вовлечь,
Что другой, какъ ты въ порфирѣ,
Что насъ двое на турнирѣ,
Что на мечъ отвѣтитъ мечъ!

Опусти свое забрало,
Ладь оружіе свое:
Это—боя лишь начало,
Это только простучало
Затупленное копье!

6. ВОЗСОЗДАТЕЛЮ.

ВЯЧ. ИВАНОВУ.

Спокойный взоръ вперивъ въ обломокъ
Изваяннаго лика,—ты,
Друидовъ сумрачныхъ потомокъ,
Постигъ разбитыя черты.

Коснувшись мрамора нѣмого
Своимъ магическимъ жезломъ,
Ему вернулъ ты силу слова,
Былую жизнь затеплилъ въ немъ.

Ты стройность далъ безсвязнымъ грудамъ,
Въ безликомъ обликъ угадалъ,
И,—чудотворецъ!—этимъ чудомъ
Мое созданье оправдалъ!

7. ВСТРѢЧНОЙ.

Онѣ не созданы для міра.
М. Лермонтовъ.

Во вселенной, страшной и огромной,
Ты была—какъ листикъ въ водопадѣ,
И блуждала странницей бездомной,
Съ изумленьемъ горестномъ во взглядѣ.

Ты дышать могла одной любовью,
Но любовь таила скорбь и муки.
О, какъ быстро обагрялись кровью
Съ нѣжностью протянутыя руки!

Ты отъ всѣхъ ждала участья—жадно.
Всѣ обиды, какъ дитя, прощала,
Но въ тебя вонзались безпощадно
Острыя, безчисленныя жала.

И теперь ты брошена на камни,
Какъ цвѣтокъ, измолотый потокомъ.
Бѣдная былинка, ты близка мнѣ, —
Мимо увлекаемому Рокомъ!

8. Е. Т.

Кто глаза ея оправилъ
Въ завлекательный магнитъ?
Вмѣсто сердца камень вставилъ,
Желтый камень хризолитъ?

И когда въ блестящемъ залѣ,
Взоръ склонивъ, скользитъ она,—
Словно искрится въ бокалѣ
Ледяной огонь вина!

Смѣхъ ея — что звонкій голосъ
Разыгравшихся дріадъ.
Какъ на колосъ спѣлый колосъ,
Косы сложены назадъ.

Ахъ, я вѣрю! въ часъ, какъ щелкнетъ
Оградительный замокъ,
И весь міръ, кругомъ, примолкнетъ,
Словно скроменъ и далекъ,—

Что за радость къ этимъ губкамъ
Губы алчныя склонить,
Этимъ жгучимъ, острымъ кубкомъ
Жажду страсти утолить!

Да, я вѣрю: въ этомъ тѣлѣ
Взвивность синяго огня!
Здѣсь опасность,—въ самомъ дѣлѣ!—
Чуръ меня! ахъ, чуръ меня!

9. НАЧИНАЮЩЕМУ.

...доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ!
А. Пушкинъ

Нѣтъ, мы не только творцы, мы всѣ и хранители тайны!
Въ образахъ, въ ритмахъ, въ словахъ есть откровенья вѣковъ.
Гимновъ завѣтные звуки для слуха жрецовъ не случайны,
Праздный въ нихъ различитъ лишь сочетанія словъ.
Пиндаръ, Вергилій и Данте, Гете и Пушкинъ—согласно
Въ явные знаки вплели скрытыхъ намековъ черты.
Ихъ угадавъ, задрожалъ ли ты дрожью предчувствій неясной?
Нѣтъ? такъ сними свой вѣнокъ: чуждъ Полигимніи ты.

ИСПОЛНЕННОЕ ОБѢЩАНІЕ.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

Благоговѣйно посвящается

памяти

В. А. Жуковскаго.

ИСПОЛНЕННОЕ ОБѢЩАНІЕ.

I

Угрюмъ и грозенъ замокъ Твидъ.
Онъ со скалой какъ будто слитъ,
Какъ будто выросъ изъ скалы.
Гнѣздятся по угламъ орлы,
Отъ стѣнъ идетъ нагой отвѣсъ,
Внизу синѣетъ хвойный лѣсъ,
И, недоступно далека,
Змѣится бѣлая рѣка.

Владыка замка, Гуго Твидъ,
Давно войной и славой сытъ.
Довольно у него добра,
Мѣховъ, коней и серебра;
Казнѣ его и счета нѣтъ;
Съ нимъ не тягается сосѣдъ,
А Твидъ оспоритъ короля;
Подвластны Твиду всѣ поля,
Докуда достигаетъ взоръ;
Въ его рукѣ какъ громъ топоръ;
Ему покорна и вѣрна
Его прекрасная жена.

Ее онъ дѣвочкой увезъ
На свой незыблемый утесъ;
Хранилъ года, какъ цѣнный кладъ;
Воспитывалъ, какъ добрый братъ,
Чтобъ послѣ выбрать жениха;
Берегъ отъ тайнаго грѣха
Межъ вѣрныхъ слугъ и старыхъ дѣвъ;
Но, Божьей волей, овдовѣвъ,
Назначилъ ей удѣлъ иной,
И сдѣлалъ плѣнницу женой.

Гертруда вся—какъ сладкій сонъ.
Туманной тѣнью углубленъ
Ея лучистый взоръ; у ней
Звукъ голоса—какъ пѣнье фей,
И розсыпь золотыхъ волосъ—
Какъ кудри дѣвъ изъ міра грезъ;
Она легка—какъ тихій снѣгъ,
Ея беззвученъ легкій бѣгъ,
Ея шаговъ не помнитъ слухъ.
Какъ будто мимо вѣялъ духъ.

Вся жизнь Гертруды, съ раннихъ лѣтъ,
Прошла, вдали отъ золъ и бѣдъ,
На неприступной высотѣ.
Она лишь смутно, какъ въ мечтѣ,
Знавала рѣки и лѣса;
Ей ближе были небеса,
Гдѣ тихо облака плывутъ,
Гдѣ ночью ангелы поютъ,
Да лики съ сумрачныхъ иконъ—
Христа и вдумчивыхъ Мадоннъ.

Она была страстей чужда,
Людей не зная; иногда
Ей пѣлъ зашедшій къ нимъ пѣвецъ
О связи любящихъ сердецъ,
Но внятнѣй, чѣмъ любовный стихъ,
Ей были житія святыхъ.

И, зная, какъ она живетъ,
Легенды, заживо, народъ
Объ ней слагалъ,—и слухъ ходилъ,
Что чудо ей Господь явилъ.
Въ своей молельнѣ, въ дни поста,
Она усердно у креста
Одна молилась въ поздній часъ,
И слезы изъ прекрасныхъ глазъ
Лились Христу на язвы ногъ;
И, вдругъ, изваянный вѣнокъ,
Надъ каменнымъ святымъ челомъ,
Расцвѣлъ, какъ вѣтка подъ дождемъ!
И вѣрили,—что вся страна
Ея мольбой охранена.

2.

Шестыя сутки въ замкѣ Твидъ
Огонь до полночи блеститъ.
Въ восточной башнѣ угловой
Гость водворился дорогой:
Графъ Робертъ,—Гуго давній другъ.
Одинъ, безъ спутниковъ и слугъ,

Обѣтомъ связанный своимъ,
Идетъ онъ, скромный пилигримъ,
Въ одеждѣ инока и босъ,
Въ страну, гдѣ пострадалъ Христосъ.

Свершилъ графъ Робертъ смертный грѣхъ...
И нѣтъ съ тѣхъ поръ ему утѣхъ,
И чуждъ ему веселый пиръ,
И грустенъ радостный турниръ.
Въ его душѣ клеймо одно
Рукой горящей вожжено;
Въ его душѣ одна лишь страсть:
Предъ гробомъ Господа упасть
И вымолить себѣ покой...
Зачѣмъ же въ башнѣ угловой,
Гдѣ думалъ вечеръ отдохнуть,
Онъ медлитъ, позабывъ свой путь?

Графъ Робертъ—молодъ и красивъ.
Въ его кудряхъ стальной отливъ;
Всегда онъ смотритъ словно въ даль;
Но, затаивъ въ себѣ печаль,
Его глаза—какъ два клинка;
Его слова, какъ облака,
Мѣняютъ формы каждый мигъ;
Но ярче и мудрѣе книгъ
Его обдуманная рѣчь,
Сердца разящая, какъ мечъ.

Съ Гертрудой встрѣтясь въ первый разъ,
Не поднялъ Робертъ темныхъ глазъ.

То было поздно, въ часъ глухой,
На узкой лѣстницѣ витой,
Гдѣ злыя тѣни, при огнѣ,
Качались грозно по стѣнѣ.
Промолвилъ онъ, лицо клоня:
„Молись, святая, за меня!“
И былъ встревоженной мольбой
Ея отвѣтъ: „Господь съ тобой!“

Но, день спустя, въ такой же часъ,
Опять вдали отъ чуждыхъ глазъ,
Они сошлись. Былъ мракъ унылъ,
Надъ черной бездной вѣтеръ вылъ,
И въ свѣтѣ молніи—блѣдна
Была Гертруда у окна.
Шепнулъ смиренный пилигримъ:
„Твоей молитвой я хранимъ
Сегодня!“ Но, смотря во тьму,
Та не отвѣтила ему.

Когда же, въ третій разъ, опять
Пришлось имъ вмѣстѣ задрожать
На башнѣ передъ ликомъ звѣздъ,—
Съ груди сорвалъ онъ черный крестъ,
И палъ къ ногамъ ея, и ей
Сказалъ безвольно: „Будь моей!“
Сказалъ, и къ ней лицомъ приникъ...
И теменъ былъ безмолвный мигъ...
Но вдругъ, какъ солнце впереди,
Ея отвѣтъ зажегся: „Жди!“

Письмо Гертруды.

„Мой господинъ! мой царь! мой братъ!
Свершилось. Нѣтъ пути назадъ.
Не жаль мнѣ въ прошломъ ничего.
Хочу лишь взора твоего,
Твоихъ, огнемъ горящихъ, устъ.
Міръ безъ тебя и дикъ и пустъ.
Я годы цѣлые спала;
Взошла денница и сожгла
Мои глаза своимъ лучомъ.
Рублю я радостнымъ мечомъ
Нить жизни краткой—пополамъ.
Души спасенье я отдамъ
За день съ тобою,—и въ Аду
У ногъ твоихъ я Рай найду!
Какъ сонъ, я скину дни мои!
Увижу лѣсъ, поля, ручьи,
Увижу вольныхъ пѣвчихъ птицъ!
У нашихъ западныхъ границъ
Есть логъ и три Проклятыхъ Пня.
На склонѣ дня тамъ жди меня!“

3.

Алѣютъ тихо облака.
И безразсудна и робка,
Лицо закрывъ густой фатой,
Въ одеждѣ странницы простой,
Гертруда вышла изъ воротъ.
Ее никто не поведетъ,

Ее никто не охранитъ,—
Но тщетно будетъ Гуго Твидъ
Искать измѣнницы-жены.
Ея движенья рѣшены,
Какъ рѣшена ея судьба:
Она—счастливая раба,
Пока захочетъ властелинъ,
Пусть жизнь, пусть годъ, пусть день одинъ.
А послѣ—дальній монастырь
Ей вновь закроетъ высь и ширь.

Межъ буковъ мрачныхъ и нѣмыхъ,
Дорогой, полной чаръ лѣсныхъ,
Скользитъ Гертруда въ тишинѣ,
И міръ предъ ней—какъ міръ во снѣ,
Какъ память о иныхъ мірахъ,
Порой томящая въ мечтахъ.
Пьянитъ свобода, какъ вино,
И сердце мыслью прожжено:
Онъ ждетъ, онъ встрѣтитъ, и они
Сольютъ свои уста въ огни,
Сплетутъ извивы нѣжныхъ рукъ,
Замрутъ въ истомѣ сладкихъ мукъ.
И страстный взглядъ любимыхъ глазъ
Она увидитъ въ первый разъ!

Она идетъ впередъ, впередъ...
Такъ лишь лунатики обходъ
Свершаютъ ночью вдоль стѣны
При свѣтѣ пристальномъ луны.
Она скользитъ, какъ легкій челнъ
По вѣтру, надъ качаньемъ волнъ,

Храня безволіе свое.
Не ангелъ ли ведетъ ее?
Не Богъ ли правый съ высоты
Благословилъ ея мечты?

Но чу! глухой, далекій скокъ.
И вторитъ лѣсъ и вторитъ логъ
Бряцанью шпоръ и лаю псовъ.
Не скрыться межъ лѣсныхъ стволовъ!
Не упредить лихихъ коней!
Все ближе, ближе, все яснѣй,
Все безпощаднѣй стукъ копытъ,—
И предъ Гертрудой Гуго Твидъ!

4.

Глуха подземная тюрьма.
Въ ней смрадъ и сырость, тишь и тьма.
Порой въ ней тѣни говорятъ,
И кости давнія стучатъ
Подъ непривычною ногой,
Рождая отзвукъ гробовой,—
Но звуки, умирая тутъ,
Гранитной толщи не пробьютъ,
Ни въ замкѣ, ни среди полей
Ничьихъ не возмутятъ ушей!
И съ воли къ тѣмъ, кто здѣсь забытъ,
Зовъ ни одинъ не долетитъ!

Припавъ къ стѣнѣ, въ сыромъ углу,
Гертруда не глядитъ во мглу,

Не плачетъ, тщетно не зоветъ.
На мигъ сверкнулъ ей небосводъ
Сіяньемъ пламенной зари,—
И вновь померкли янтари.
На мигъ, въ сіяющемъ вѣнцѣ,
Съ улыбкой странной на лицѣ,
Маня, предстала ей Любовь,—
И въ темный гробъ упала вновь.
На мигъ зажглась надъ ней звѣзда,—
Чтобъ закатиться навсегда!

Томятъ видѣнья въ тишинѣ!
Въ бреду больномъ иль въ зыбкомъ снѣ
Гертруда видитъ дальній лѣсъ,
Глубь вечерѣющихъ небесъ,
И логъ и три Проклятыхъ Пня
При свѣтѣ меркнущаго дня,
Къ сухой корѣ лицомъ припавъ,
Тамъ ждетъ ее печальный графъ.
Его глаза блестятъ во мглѣ;
Высокій посохъ—на землѣ;
А что въ его рукѣ?—кинжалъ?
Всталъ полный мѣсяцъ, кругло-алъ,
И чрезъ глазницы мрачныхъ тучъ
Сталъ наводить на все свой лучъ.

И кажется Гертрудѣ вдругъ:
Благоухаетъ логъ и лугъ,
И снова, по травѣ полянъ,
Она бѣжитъ въ ночной туманъ.
Слабѣютъ силы; на ногахъ
Какъ будто цѣпи; хладный страхъ

Растетъ на сердцѣ... Поворотъ...
И старый букъ... И онъ... И вотъ
Слетаетъ съ устъ невольный стонъ,—
И милый, милый къ ней склоненъ!
Она сквозь слезы, чуть жива,
Лепечетъ нѣжныя слова,
И слышитъ лепетъ нѣжныхъ словъ,
И видитъ страстный блескъ зрачковъ,
И, холодѣя вся, какъ трупъ,
Впиваетъ ласку жданныхъ губъ.

Что это? смерть иль страсти мигъ?
Стонъ боли или счастья крикъ?
Со странно-радостнымъ лицомъ
Повергласъ узница ничкомъ.
Въ темницѣ, царственно-одна,
Стоитъ и смотритъ тишина.

5.

Померкъ на западѣ пожаръ.
Настало время тайныхъ чаръ.
Раскрыли звѣзды ширь и высь;
Сквозь вѣтви эльфы пронеслись;
Вдали короной золотой
Блеснулъ подъ букомъ Царь Лѣсной;
И на полянѣ смѣхъ звончѣй
Его безпечныхъ дочерей.

Но графа не коснется страхъ.
Не лезвее ль въ его рукахъ?
Не крестъ ли на его груди?
Но мракъ все гуще впереди.
Давно прошелъ условный часъ,
Плылъ мѣсяцъ, и межъ тучъ угасъ,
Была надежда и прошла,
И мгла кругомъ, и въ сердцѣ мгла...
Слабѣетъ, никнетъ гордый духъ,
И графъ молитву шепчетъ вслухъ.

„Ты не пришла, ты не придешь!
Твое письмо—иль смѣхъ иль ложь!
А я, смиренный пилигримъ,
Обѣтомъ связанный своимъ,
Посмѣлъ о радости мечтать!
Бѣжать я долженъ, словно тать,
Въ Святую Землю поспѣшить,
У гроба Господа сложить
И прежній грѣхъ и эту страсть!
Къ кресту пречистому припасть,
Да скажетъ мнѣ Господь: Пролью
Елей Я на-душу твою!
Но если... Если въ замкѣ томъ
Она томится подъ замкомъ,
И ждутъ ее—и судъ и казнь!
О, сердце сжавшая боязнь!
О, ужасъ, впившійся въ мечты!
Но что во тьмѣ?.. Кто близко?.. Ты?“

Лицо закрывъ густой фатой,
Въ одеждѣ странницы простой,

Какъ черный призракъ черезъ тьму
Гертруда тихо шла къ нему.
И графъ спѣшитъ навстрѣчу ей,
Зоветъ небесной и своей,
И ризы влажные края
Цѣлуетъ, счастья не тая,
И шепчетъ, что имъ должно прочь,
Что клонится къ исходу ночь.

Но, словно статуя блѣдна,
Молчитъ въ его рукахъ она
И только льнетъ къ нему нѣжнѣй,
Какъ тѣнь среди другихъ тѣней.
Онъ близостью ея сожженъ,
И страсти, бьющей въ сердцѣ, онъ
Уже не можетъ одолѣть!
Готовъ онъ вмѣстѣ умереть
За мигъ блаженства здѣсь, теперь...
Закатный мѣсяцъ, словно звѣрь,
Взглянулъ на нихъ изъ низкихъ тучъ...
Чу! гдѣ-то близко брызнулъ ключъ...
И вотъ, подъ мѣрный говоръ струй,
Сверкнулъ ихъ первый поцѣлуй!

Безъ клятвъ былъ заключенъ ихъ бракъ.
Свидѣтелемъ былъ строгій мракъ;
Межъ травъ, обрызганный росой,
Стоялъ незримый аналой;
Свѣтили звѣзды имъ съ небесъ;
Пропѣлъ имъ хоръ могучій лѣсъ;
И эльфы, легкіе какъ дымъ,
Привѣтствія шепнули имъ;

И, мимо проходя тропой,
Благословилъ ихъ Царь Лѣсной.

6.

Храня лица спокойный видъ,
Сошелъ на утро Гуго Твидъ
Съ ватагой слугъ въ свою тюрьму.
Чуть факелы вспугнули тьму,—
Всѣ вдругъ поникли головой:
Лежалъ предъ ними трупъ нѣмой.
Была Гертруда хороша,
Какъ будто грѣшная душа
Съ восторгомъ отошла, предъ тѣмъ
Увидѣвъ благостный Эдемъ.
Казалось: спитъ Гертруда, сжавъ
Въ рукѣ пучекъ цвѣтовъ и травъ.
И было явно всѣмъ, что тутъ
Не нуженъ больше грозный судъ!

И въ тотъ же день бѣднякъ-пастухъ,
Свирѣлью услаждая слухъ,
Привелъ овецъ къ Проклятымъ Пнямъ,
И трупъ нашелъ, простертый тамъ.
Графъ Робертъ словно тихо спалъ.
Высокій посохъ и кинжалъ
Лежали близъ, въ травѣ густой.
Былъ графъ прекрасенъ, какъ живой,

Съ улыбкой счастья на устахъ.
Но въ крѣпко стиснутыхъ рукахъ
Съ собой въ могилу онъ унесъ
Прядь золотистую волосъ.

Начато въ 1901 г.
Кончено въ 1907 г.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

1. ОПРАВДАНІЕ ЗЕМНОГО.

АНГЕЛЪ.

Огни твоей земной вселенной—
Какъ тѣнь въ лучахъ иныхъ міровъ!

ПОЭТЪ.

Но я люблю мой духъ надменный
И яркій блескъ моихъ оковъ!

АНГЕЛЪ.

За гранью счастій и несчастій
Есть лучшей жизни небосводъ!

ПОЭТЪ.

Но я хочу, чтобъ темной страсти
Меня крутилъ водоворотъ!

АНГЕЛЪ.

Познаешь, кинувъ міръ случайный,
Какъ сожигаетъ полнота!..

ПОЭТЪ.

Но для меня въ любви—всѣ тайны;
Въ одномъ лицѣ—вся красота!

2. СѢЯТЕЛЬ.

Я сѣятеля трудъ, упорно и сурово,
Свершилъ въ краю пустомъ,
И всколосилась рожь на нивахъ; время снова
Мнѣ стать ученикомъ.

Отъ шума и толпы, отъ славы и привѣтствій,
Бѣгу въ лѣсной тайникъ,
Чтобъ снова приникать, какъ въ отдаленномъ дѣтствѣ
Къ тебѣ, живой родникъ!

Чтобъ снова испытать раздумій одинокихъ
И огненность и ледъ,
И встрѣтить странныхъ грезъ, стокрылыхъ и стоокихъ,
Забытый хороводъ.

О радость творчества, свободнаго, безъ цѣли,
Ко мнѣ вернешься ты!
Мой утомленный духъ проснется въ колыбели
Восторженной мечты!

Вновь, какъ Адамъ въ раю, невѣдомымъ и новымъ
Весь міръ увижу я,
И буду заклинать, простымъ и вѣщимъ словомъ,
Всѣ тайны бытія!

3. ЗВѢЗДА.

Въ дни юности, на свѣтломъ небѣ,
Призналъ я вѣщую звѣзду,
И принялъ выпавшій мнѣ жребій,
И за моей звѣздой иду.

И въ темномъ мірѣ, годъ за годомъ,
Меня кружитъ и водитъ Рокъ.
Я видѣлъ предъ эдемскимъ входомъ
Огнемъ пылающій клинокъ;

Я слѣпнулъ въ нестерпимомъ блескѣ
Воздвигнутыхъ Содомомъ залъ;
Я грустной повѣсти Франчески
Въ странѣ, гдѣ нѣтъ надеждъ, внималъ...

Зачѣмъ же въ лабиринтъ всемірный
Тяну я дальше нить свою?
Кому я ладана, и смирны,
И злата— царскій даръ таю?

Не дастъ отвѣта свѣточъ горній...
Адъ пройденъ и за мной Эдемъ...
И все спокойнѣй, все покорнѣй
Иду я въ нѣкій Виѳлеемъ.

4. ФАЭТОНЪ.

Какъ въ полдень колесница Феба
Стоитъ на ясной высотѣ,
По крутизнѣ земного неба
И я взнесенъ къ своей метѣ.

Я вижу съ вѣчнаго зенита
Со всѣхъ сторонъ отвѣсный скатъ,
И мнѣ одна стезя открыта:
Дуга́ крутая на закатъ!

Быть можетъ, коней не сдержу я,
Какъ древле оный Фаэтонъ,
И звѣри кинутся, ликуя,
Браздить горящій небосклонъ.

Тогда, Кроніонъ, судъ исполни
И гибелью покрой мой стыдъ:
Пусть, опаленъ зубцами молній,
Паду къ ногамъ Океанидъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

(1906—1909 г.)

I. Книги.

Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. Переводъ. К-во «Скорпіонъ». М. 1906.—Земная Ось. Разсказы. К-во «Скорпіонъ». М. 1906.—Лицейскіе стихи Пушкина. Изслѣдованіе по рукописямъ Московскаго Румянцовскаго музея и др. К-во «Скорпіонъ». М. 1907.—Пути и Перепутья. Собраніе стиховъ, т. I. (1892—1901). К-во «Скорпіонъ». М. 1908.—Пути и Перепутья. Собраніе стиховъ, т. II. (1901—1905). К-во «Скорпіонъ». М. 1908.—М. Мэтерлинкъ. Пеллеасъ и Мелизанда и стихи. Переводъ. К-во «Скорпіонъ». М. 1908.—Габріель д'Аннунціо. Франческа да Римини. Трагедія въ 5 д. Переводъ. (Въ сотрудничествѣ съ Вяч. Ивановымъ). К-во «Пантеонъ». Спб. 1908.—Огненный Ангелъ. Повѣсть XVI вѣка. 2 тома. К-во «Скорпіонъ». М. 1908—1909.—Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Драма въ 4 д. Переводъ. К-во «Скорпіонъ». М. 1909.—Пути и Перепутья. Собраніе стиховъ, т. III. (1906—1909). К-во «Скорпіонъ». М. 1909.—Французскіе лирики XIX вѣка. Переводъ и объяснительныя статьи. К-во. «Пантеонъ». Спб. 1909.

II. Сотрудничество.

А. Журналы и газеты. Вѣсы. (1906—1909). — Золотое Руно. (1906—1907). —Журналъ для всѣхъ, Трудовой Путь, Нашъ журналъ. (1906—1907).—Образованіе. (1907—1908). —Современный Міръ.(1907—1908).—Русская Мысль.(1907—1909). —Въ Мірѣ Искусствъ. (1907).—Нива. (1907).— Слово. (1906).— Свобода и Жизнь. (1906).—Утро Свободы. Столичное Утро. Раннее Утро. (1907).—Современная Русь. (1907).—Русское Слово. (1907).— Живописная Недѣля. (1907).—The Athenaeum. (1906). —И др.

В. Альманахи и сборники. Факелы. (1906). — Альманахи «Шиповника».(1907—8).—Корабли. (1907).—Хризопрасъ. (1907).—Жизнь. (1908). — Сочиненія М. Мэтерлинка, изд. М. Пирожкова. Спб. 1907.- Сочиненія Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1908—9.—И др.

C. Предисловія. Шарль Бодлэръ. Цвѣты Зла. Перев. Эллиса. К-во «Заратустра». М. 1908.

D. Антологіи. Родная поэзія. Сост. И. Скворцовъ. Спб. 1905.—Послѣ Пушкина. Изд. 2-е «Русской Мысли». М. 1907.—Русская Муза. Сост. П. Я. Изд. 2-е, Спб. 1904, и 3-ье, Спб. 1908.—Чтецъ-декламаторъ. Изд. И. Самоненко. Кіевъ, 1906; то-же, томъ III, Кіевъ 1908. — «Въ борьбѣ». Сборникъ К-ва «Борьба». Спб. 1906. — Пѣснь о рабочемъ народѣ. Сост. И. Горбуновъ-Посадовъ. К-во «Посредникъ». М. 1907.—«Салонъ» Спб. 1908.—Литературный Календарь-альманахъ 1908 г. Спб.—Избранныя произведенія русской поэзіи. Сост. В. Бончъ-Бруевичъ. Спб. 1909.—Книга о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія. Подъ ред. М. Гофмана. Спб. 1909. — Хрестоматія для школъ драматическаго искуства. Сост. А. Ѳедотовъ. Ч. I. Изд. К. Тихомирова. М. 1909.

III. Переводы.

1. Стихи (изъ числа вошедшихъ въ этотъ томъ):

A. На нѣмецкій языкъ. А. Эліасберга: «Зажглись электричествомъ луны», «Освобожденіе», «Встрѣча» (изъ «Надписей къ гравюрамъ»), «Гесперидовы салы» (Russische Lyrik der Gegenwart, deutsch von Alexander Eliasberg. R. Piper Verl. München und Leipzig, 1907).

B. На шведскій языкъ. Альфреда Іенсена: «Къ Швеціи», «На Мэларѣ» (Stockholms Dagblad, 11 ноября 1906).

C. На французскій языкъ. А Мерсеро: «Голосъ Города». (Poesia, 1909). — Анонима: «За утесомъ», «Освобожденіе», «Встрѣча» («Золотое Руно», 1906, № 3).

2. Проза:

A. На нѣмецкій языкъ. Максимиліана Шика: «Теперь, когда я проснулся», разсказъ (Das Magazin fur Litteratur, 1906, № 16), «Святочный разсказъ» (Das Leben 1906, № 24).—Ганса фонъ Гюнтеръ. «Земная Ось». 7 разсказовъ. (Valerius Brjussov. Die Republik des Südkreuzes. Novellen. Verl. v. Hans von Weber. München, 1908). — Его же. «Земля». Сцены будущихъ временъ. (Valerius Brjussov. Erduntergang. Tragödie künftiger Zeiten. Verl. v. Hans von Weber. München 1909).*—

* «Гимнъ смерти», входящій въ драму «Земля», переведенъ на нѣмецкій языкъ также Георгомъ Бахманомъ (St. Petersburger Zeitung. Montagsblatt. 1908, 10 апр.)

«Огненный Ангелъ». Повѣсть XVI в. (Переводъ печатается въ изд. Hans von Weber).

B. На французскій языкъ. А. Тастевена: «Карлъ V». Статья. («Золотое Руно» 1906, № 4).

C. На латышскій языкъ. А. Аустрица. «Въ подземной тюрьмѣ». Разсказъ («Latvija», 1907). — «Огненный Ангелъ», повѣсть XVI в. («Stari», 1908).

D. На голландскій языкъ. Анни де Граафъ. «Земля». Сцены будущихъ временъ. («Europa», 1908, № 1—3).

E. На шведскій языкъ. Альфреда Іенсена. «Земля». Отрывки. («Ord och Bild», 1906, № 11).

ПРИМѢЧАНІЯ.

«Стихи на изразцахъ». На старинныхъ русскихъ изразцахъ, которые можно видѣть въ музеяхъ, дѣлались обычно, въ формѣ краткихъ стихотворныхъ изрѣченій, подписи къ изображеннымъ картинкамъ. Авторъ стихотворенія сдѣлалъ попытку составить изъ этихъ подписей одно связное цѣлое.

«Къ Мѣдному Всаднику». Для пониманія нѣкоторыхъ выраженій въ этомъ стихотвореніи надо возобновить въ памяти «петербургскую повѣсть» Пушкина о «бѣдномъ Евгеніи» и стихи Тютчева «Декабристамъ»:

...О жертвы мысли безразсудной!
Вы уповали, можетъ быть,
Что станетъ вашей крови скудной,
Чтобъ вѣчный полюсъ растопить!
Едва дымясь, она сверкнула
На вѣковой громадѣ льдовъ:
Зима желѣзная дохнула,
И не осталось и слѣдовъ.

«Посланія». Авторъ извиняется передъ читателями, сознавая, что для нихъ могутъ быть непонятны отдѣльные намеки въ стихотвореніяхъ этого отдѣла. Для объясненія ихъ потребовался бы комментарій, въ наше время еще неумѣстный.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихи, появляющіеся въ печати въ первый разъ, отмѣчены звѣздочкой.

Предисловіе къ III тому VII

ВСѢ НАПѢВЫ.

(1906—1909 г.)

Поэту 3

I. Элегіи и буколики.

Одиночество 7

Вечеровыя пѣсни.

Сумерки 9
Февраль 10
У гроба дня . . . . . —
Вечеръ среди снѣговъ 11
Быть безъ людей 12

На гранитахъ.

Къ Швеціи 13
На Мэларѣ 14
Стокгольмъ 15
На гранитахъ . . . . . —
Въ морѣ 16
Угрюмый часъ 17
На Готландѣ 18
Висби . . . . . —
Прибой 19
Эхо 20
Въ шхерахъ 21

Въ полѣ.

Вѣкъ за вѣкомъ 22
* Весенній дождь 23
Радуга 24
Августъ 25
Въ лугахъ 26
Осеннее прощаніе Эльфа 27

Мгновенія.

Часъ воспоминаній 29
Который разъ. 30
Грустный вечеръ 31
Сны 32
* Усталость. 33
* Ангелъ благого молчанія. 34
* Ликорнъ. (Сонетъ). 35

II. Эротика.

Отреченіе. (Секстина). 37

Ἔρως ἀνίκατε μάχαν.

Встрѣча. 41
* Неизбѣжность. (Октавы). 42
* Ея колѣни. (Рондо). 43
Лишь одного! (Газэлла). . . . . —
* Призракъ неизбѣжный. (Тріолеты). 44
* Въ потокѣ 45
Благословеніе. 46
Къ Пасифаѣ. (Сонетъ). 47

Мертвая любовь.

Ранняя осень. 49
На нѣжномъ ложѣ 50
* Снова. 51
* Въ полночь. 52
Холодъ. 54
Умирающій костеръ. 55
Изъ тихихъ безднъ . . . . . —

Обреченный.

Голосъ 57
Отвѣтъ. 58
Осенью. . . . . —
Лунный дьяволъ 59
Себастіанъ 60
Видѣніе. 61
* Бой. 62
La belle Dame sans merci 63

Сонаты.

Обрядъ ночи. 65
* Возвращеніе. 69

III. Въ эпическомъ родѣ.

Жизнь 75

Надписи къ гравюрамъ.

За утесомъ 77
Освобожденіе 78
Встрѣча 79
Монахъ 80
Noli me tangere, Maria 81

Видѣнія.

Повольникъ 83
* Русалка 84
Самоубійца 85
* Голосъ мертваго 86
* Побѣгъ пастуха 87
* Стихи на изразцахъ 88
* Жалоба героя 89
* Тріумфаторъ . . . . . —

Женщины.

Заклинаніе 91
Ожиданіе 92
Весенняя пѣсня дѣвушекъ 93
Уголекъ 94
* Раздумье дѣвушки 95
* Наша тѣнь 96
Въ томъ же паркѣ 97

Въ городѣ.

* Голосъ города 99
Городу 100
* Балъ 102
Уличная 103
Вечерній приливъ 140

IV. Оды и посланія.

Хвала Человѣку 109

Правда вѣчная кумировъ.

Оры 113
Гесперидовы сады 114
Дедалъ и Икаръ 116

Одиссей 118
* Эней 120

Привѣтствія.

Къ Мѣдному Всаднику 123
Карлъ XII 124
Къ собору Кэмпера 125
Опять въ Венеціи 126
* На форумѣ 127
Надъ океаномъ 128

Современность.

Служителю музъ 131
Флореаль 3 года 132
Духъ земли 133
Нашъ демонъ . . . . . —
Кому-то 135

Посланія.

М. А. Врубелю 137
* З. Н. Гиппіусъ 138
* Андрею Бѣлому 139
Михаилу Кузмину 141
* Равному 142
* Возсоздателю . . . . . —
* Встрѣчной 143
* Е. Т. 144
* Начинающему 145

Исполненное обѣщаніе.

Исполненное обѣщаніе. (Романтическая поэма) 149

Заключеніе.

Оправданіе земного 165
Сѣятель 166
* Звѣзда 167
Фаэтонъ 168

Библіографія.

Библіографія 171

Виньетки — по стариннымъ гравюрамъ съ античныхъ камей.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПІОНЪ»

Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23.

КАТАЛОГЪ КЪ МАРТУ 1909 г.

I. СТИХИ.

Ю. Балтрушайтисъ. Жатва Дня. Печатается.

К. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.

Томъ I. (Подъ сѣвернымъ Небомъ, Въ безбрежности, Тишина). М. 1909 г. Изданіе третье. Ц. 2 р.

Томъ II. (Горящія Зданія). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томы IV, V, VI, VIII, IX готовятся къ печати.

Томъ VII. (Жаръ-Птица). Фронтисписъ К. Сомова. М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ X. (Хороводъ временъ). М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Александръ Блокъ. Нечаянная Радость. Второй сборникъ стиховъ. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собраніе стиховъ. 1892—1908 г.

Томъ I. Стихи 1892-1901 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse. Tertia Vigilia). Вторая тысяча. М. 1907 г. Ц. 2 р.

Томъ II. Стихи 1902-1905 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos). М. 1908. Ц. 2 р.

Томъ III. Стихи 1906-1909 гг. (Всѣ Напѣвы). М. 1909 Ц. 2 р.

Ив. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905 г. Ц. 1 р.

Андрей Бѣлый. Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 2 р.

Поль Верлэнъ. Гимны, пѣсни и исповѣди. Въ переводѣ Валерія Брюсова. Печатается.

Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. Переводъ Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна, работы Т. ванъ Риссельберга. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.

Юрій Верховскій. Разныя стихотворенія. М. 1908. Ц. 80 к.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к

Вячеславъ Ивановъ. Cor Ardens. Speculus Speculorum. Эросъ. Обложка К. Сомова (хромолитографія). Выйдетъ въ мартѣ 1909 г.

М. Кузминъ. Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій, съ портретомъ автора. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904 г. Ц. 2 р.

Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. Переводъ К. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904 г. Ц. 50 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

Валерій Брюсовъ. Земная Ось. Разсказы и драматическія сцены. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. 2 т. Обложка по современной гравюрѣ. М. 1908—9. Ц. за оба тома 3 р.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, героическая) въ 4 частяхъ. Обложка по рисунку Обри Бердслея. М. 1904 г. Ц. 75 к.

Андрей Бѣлый. Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обл. А. Ѳедотова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Кнутъ Гамсунъ. Сьеста. Очерки и разсказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р.

М. Кузминъ. Разсказы и повѣсти. 2 тома. Готовятся къ печати.

Жагадисъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1905 г. Ц. 65 к.

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.

Томъ I. Поэмы, сказки. Печатается второе изданіе.

Томъ II. Разсказы, статьи. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Томъ III. Страшные разсказы, гротески. Печатается.

Ст. Пшибышевскій. Собраніе сочиненій.

Книга I. Homo Sapiens. Романъ въ 3 частяхъ. Пер. М. Семенова. Изд. 2-е. М. 1904 г. Обложка Н. Ѳеофилактова. Ц. 2 р. 40 к.

Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 ч.) и др. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. М. 1905 г. Обложка Е. Надельмана. Ц. 2 р. 40 к.

Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.

Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Пер. М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 1 р.

Книга V. Статьи. Печатается.

Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповскаго. М. 1905 г. Ц. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Жало Смерти. Разсказы. М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

Габріэль д'Аннунціо. Трагедіи. „Мертвый Городъ", „Джіоконда", „Слава". Переводъ съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи Валерія Брюсова. Поступитъ въ продажу въ февралѣ 1909 г. Ц. 80 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. М. 1909 г. Ц. 50 к.

Зигмунтъ Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. Ц. 60 к.

Л. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

Шарль Ванъ-Лербергъ. Панъ. Они почуяли. M-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Ѳеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.

Шарль Ванъ-Лербергъ. Они почуяли. M-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.

Морисъ Мэтерлинкъ. Пеллеасъ и Мелизанда и Стихи. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Мэтерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунеллески. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликіардопуло и А. Курсинскаго. Съ 3 портретами О. Уайльда. Ц. 80 к.

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія („Парацельсъ", „Подруга," „Зеленый попугай"). Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к.

IV. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Андрей Бѣлый. Арабески. Сборникъ статей по теоріи символизма Печатается.

Г. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго. М. Семенова. М. 1902 г. Ц. 70 к.

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р.

Д. С. Мережковскій. Гоголь и чортъ. Изслѣдованіе. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1906 г. Ц. 1 р. 80 к.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Арт. Симонсъ и Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Авториз. переводъ М. Ликіардопуло. Съ портретомъ О. Бердслея и воспроизведеніемъ его рисунковъ. Печатается.

V. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цвѣты на 1901 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты на 1902 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, разсказы, статьи: К. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппіусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго. Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевскаго, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ѳ. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста. М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904 г. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты Ассирійскіе на 1904—5 г. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три Разцвѣта", драма К. Бальмонта, „Земля", сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова, „Танталъ", трагедія Вяч. Иванова, стихи и разсказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппіусъ, М. Криницкаго, Ю. Череды, Л. Зиновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и всѣ украшенія Н. Ѳеофилактова. М. 1905 г. Ц. 3 р.

VI. АЛЬБОМЫ.

Н. Ѳеофилактовъ. 65 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, одноцвѣтной и многоцвѣтной автотипіей). М. 1908 г. Ц. 3 р.

VII. ЖУРНАЛЫ.

Вѣсы за 1904, 1905, 1906, 1907 и 1908 гг. Каждый годъ 12 №№, свыше 1000 стр. текста, съ рисунками (черными или въ нѣсколько красокъ) на отдѣльныхъ листахъ, художественными обложками и оригинальными виньетками. Каждый годъ представ-

ляетъ обзоръ культурной жизни всей Европы и подробную библіографію книгъ, вышедшихъ за этотъ періодъ на европейскихъ языкахъ. При каждомъ годѣ данъ алфавитный указатель помѣщенныхъ произведеній и разобранныхъ книгъ. Цѣна комплекта: за 1904, 1905 и 1906 г. безъ пересылки по 6 р. (5 р.); за 1907 г., въ виду незначительнаго числа оставшихся экземпляровъ, 10 р. (8 р.) безъ пересылки; за 1908 г. — 7 р. (6 р.) безъ пересылки. При покупкѣ полнаго комплекта, за всѣ пять лѣтъ, цѣна 32 р. (25 р.) безъ пересылки. Пересылка за счетъ заказчика по дѣйствительной стоимости.

РАСПРОДАННЫЯ ИЗДАНІЯ.

К. Д. Бальмонтъ. Будемъ какъ Солнце. М. 1903 г.
Валерій Брюсовъ. Tertia Vigilia. Стихи 1897—1900 гг. М. 1901 г.
Валерій Брюсовъ. Urbi et Orbi. Стихи. 1900—1903 гг. М. 1904 г.
Валерій Брюсовъ. Stephanos. Стихи. 1904—1906 гг. М. 1906.
Андрей Бѣлый. Симфонія. (2-я, драматическая). М. 1902.
А. Добролюбовъ. Собраніе стиховъ. Предисловіе Валерія Брюсова и Ив. Коневского. М. 1900 г.
Кнутъ Гамсунъ. Панъ. Пер. С. Полякова. М. 1902 г.
Генрикъ Ибсенъ. Когда мы, мертвые, проснемся. Пер. С. А. Полякова и Ю. Балтрушайтиса. Изд. I и II. М. 1900 г.
Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Перевелъ И. Рачинскій. М. 1904 г.
М. Кузминъ. Крылья. Изд. I и II. М. 1907.
Д. Мережковскій. Любовь сильнѣе смерти. М. 1902 г.
М. Мэтерлинкъ. Избіеніе младенцевъ. Пер. Вал. Брюсова. М. 1904 г.
А. Л. Миропольскій. Лѣствица. Предисловіе Валерія Брюсова. М. 1902 г.
Э. По. Разсказы и стихи. Перев. К. Бальмонта. Т. I. М. 1901 г.
Сѣверные цвѣты на 1903 г. Обложка Л. Бакста. М. 1903 г.

Подписчики „Вѣсовъ“ пользуются при выпискѣ черезъ редакцію изданій к-ва „Скорпіонъ“ скидкой отъ 15 до 50% при пересылкѣ за счетъ книгоиздательства.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкою за счетъ книгоиздательства. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ—при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежомъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ“ и редакціи журнала „Вѣсы“: **Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23** (телефонъ 50—89). Изданія к-ва „Скорпіонъ“ можно также получать въ книжномъ складѣ „Складчина“, **Петербургъ, Екатерининская, 4.** и въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ“, **Петербургъ, Садовая, 18.**

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ

«ВѢСЫ»

1909. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТОЙ.

Въ 1909 году „Вѣсы“ издаются подъ прежней редакціей и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, но въ увеличенномъ объемѣ и по значительно расширенной программѣ.

„Вѣсы“ въ отдѣлѣ **беллетристики** даютъ только произведенія чисто-художественныя, отвергая всякое полу-искусство, всѣ созданія, въ которыхъ художественность является лишь средствомъ. Въ **критическомъ и библіграфическомъ** отдѣлѣ „Вѣсы“ оцѣниваютъ со своей точки зрѣнія всѣ сколько-нибудь выдающіяся явленія литературы, русской и иностранной. Въ этомъ отдѣлѣ приглашены къ участію въ „Вѣсахъ“ дѣятели литературъ французской, нѣмецкой, англійской, итальянской, скандинавской, польской и др. Въ отдѣлѣ **искусствъ** „Вѣсы“ даютъ критическіе отчеты о художественныхъ выставкахъ, наиболѣе замѣчательныхъ спектакляхъ и концертахъ. Въ каждомъ № „Вѣсовъ“ помѣщаются снимки съ картинъ и рисунковъ, русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполняемые какъ въ черныхъ тонахъ, такъ и въ нѣсколько красокъ (литографіей, фототипіей, трехцвѣтной автотипіей и т. д.).

Въ „Вѣсахъ“ принимаютъ участіе: К. Бальмонтъ, Ю. Балтрушайтисъ, А. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, Эмиль Верхарнъ, Н. Волошинъ, З. Гиппіусъ, Ренэ Гиль, В. Гофманъ, И. Грабарь, Н. Гумилевъ, Реми де Гурмонъ, Вячеславъ Ивановъ, В. Каллашъ, А. Кондратьевъ, С. Кречетовъ, М. Кузминъ, Н. Лернеръ, М. Ликіардопуло, Д. Мережковскій, Н. Минскій, Дж. Папини, Н. Петровская, А. Ремизовъ, Б. Садовской, Ѳ. Сологубъ, С. Соловьевъ, К. Чуковскій, Максимиліанъ Шикъ, А. Эліасбергъ, Эллисъ, П. Эттингеръ и мн. др.

„Вѣсы“ выходятъ 12 разъ въ годъ, въ концѣ каждаго мѣсяца, тетрадями въ 100 страницъ и болѣе.

Условія подписки. Годъ съ доставкой и пересылкой по всей Россіи—**пять** рублей, полгода—**три** рубля; за границу годъ **семь** рублей. Адресъ: Москва, Театральная площадь, д. Метрополь, кв. 23. Телефонъ 50—89.

Подробные проспекты высылаются безплатно.

Редакторъ-издатель С. А. ПОЛЯКОВЪ.

7.9.73 Sub-351506

4

4
147478 1/9/8

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3453
B7P8
t.3

Briusov, Valerii
IAkovlevich
Puti i pereput'ia